

ГЕРМЕТИКОН

ВАДИМ ПАНОВ

НЕ ВИДЯ ЗВЁЗД

Герметикон

Вадим Панов

Не видя звёзд

«Автор»

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Панов В. Ю.

Не видя звёзд / В. Ю. Панов — «Автор», «Эксмо»,
2021 — (Герметикон)

ISBN 978-5-04-122231-4

Мартина — загадочная и невероятно красивая «планета миллиона озер», хранящая мрачную тайну гибели Тринадцатой Астрологической экспедиции. Именно её намерена разгадать Девятнадцатая Астрологическая экспедиция, в которой не мог не принять участия Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур — знаменитый путешественник, умеющий находить выход из самых безнадёжных положений. И это умение ему крепко пригодится на Мартине — в ловушке созданной Пустотой, и в ловушке, подстроенной новыми, очень опасными врагами. Оторванный от Герметикона, Помпилио может рассчитывать только на себя и команду «Пытливый амуш», на людей, которых он подбирает годами, и которым полностью доверяет. И на знаменитую лингийскую дерзость, конечно, которая способна превратить поражение в блистательную победу. Больше интересных фактов об этой книге и вселенной Герметикон читайте в ЛитРес: Журнале

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-122231-4

© Панов В. Ю., 2021
© Автор, 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Вадим Панов

Не видя звёзд

Пролог

...в котором восхищение чарующей красотой сводит с ума от ужаса

Красота...

В душе каждого из нас прячется её эталон – особый, глубоко личный и абсолютно уникальный. Кто-то наслаждается изяществом прекрасных женщин, замечая подлинную красоту только в их совершенных формах и оставаясь равнодушным ко всему остальному; других привлекают тонкость изящного слога, завораживают полотна великих живописцев, изысканность скульптуры, гармония музыки и каменное величие архитектуры.

Мы видим красоту в разном и оцениваем на свой лад, но иногда... совсем не часто, конечно же – иногда... нам везёт натолкнуться на подлинное совершенство. На творения, чьё великолепие завораживает абсолютно. Лингийский собор Доброго Маркуса – самый большой олгеменический храм Герметикона, величие которого признают даже ненавидящие древнюю религию галаниты. Холм Девяти Героев на Верзи, который адигены¹ называют идеалом скульптурных композиций. Панорама «Последняя атака», описывающая легендарный бой, в ходе которого бамбальеро удалось отбить неистовый штурм Хозкунса и убедить Эдуарда Инезира предложить оставшимся в живых воинам почётное изгнание.

Но великолепные образцы искусства, случалось, меркли на фоне потрясающих творений самой Природы. Грандиозные скалы «Три каскада» на далёкой Фраге, двойная Деригона, потрясающая немыслимой красотой, падающие реки Скрынды, и... Близняшка, никогда не расстающаяся с Мартиной. Близняшка... гигантская луна, превращающая заурядную планету в невероятную. В одно из подлинных чудес Герметикона.

Потому что ни у одной из известных планет нет спутника, размеры которого сравнимы с самим обитаемым миром.

– Невероятно, – едва слышно произносит Галилей и восхищённо улыбается. – Как же ты прекрасна...

Нигде, ни в каком другом мире наступление темноты не превращается в грандиозную церемонию. Близняшка не появляется на небе – она захватывает его. Её колоссальный диск становится всё ярче и ярче, становится неспешно, но неотвратно, обретает резкость по мере того, как свету звезды приходится все жёстче драться с мраком Пустоты. И ночь на Мартине превращается в понятие отвлечённое, не имеющее никакого отношения к непроглядной тьме. Ночь на Мартине почти всегда – день.

Лунный день.

Неповторимый... невозможный нигде больше.

Близняшка так низко нависает над Мартиной, что её можно отчётливо разглядеть невооружённым взглядом. Огромные горы и глубокие кратеры, овраги, рассекающие каменистые равнины, и внезапные нагромождения скал. Можно разглядеть её безжизненность. И её тишину. Гигантский спутник кажется кошмарным отражением Мартины, мёртвым образом цветущего мира.

Близняшка восхищает и пугает.

¹ Значение этого и других герметиконских терминов можно посмотреть в словаре.

И никто, абсолютно никто не способен сопротивляться её чарам.

– Я больше не хочу в сумасшедший дом, – шепчет сквозь сон Галилей. – Пожалуйста... не надо...

Он по-прежнему улыбается. Но из его закрытых глаз текут слёзы. Близняшка тянет, как Знак Пустоты, и противиться ей нет никакой возможности. И астролог не хочет противиться, во всяком случае во сне. Он жадно рассматривает невероятную картину, наслаждаясь чудесным воспоминанием.

И дрожит от страха.

Он видит гигантский цеппель, медленно плывущий на фоне полной Близняшки, и ощущает себя стоящим на открытой палубе другого корабля, идущего параллельным курсом. Ощущает себя изумлённым, восторженным... и счастливым. Ощущает мир как жизнь, а Близняшку – только мрачным отражением, не имеющим отношения к реальности. Галилей улыбается себе тогдашнему и воет от тоски, потому что знает...

сейчас знает...

воет, потому что сейчас знает, что случилось тогда...

сейчас знает – во сне.

– Не делай этого, – шепчет астролог себе тогдашнему. – Никогда этого не делай. – И холодеет, наблюдая за тем, как идёт в астринг. – Не делай этого!

Галилей кричит, но там – во сне. Кричит себе, улыбающемуся, кричит тому восторженному дураку, который поднимается в астринг, кричит и воет... А из его закрытых глаз текут слёзы.

– Не делай этого!

Дверь в астринг закрывается.

И Галилей знает, что будет дальше.

Сейчас знает – во сне. И отчаянно кричит, заставляя себя проснуться.

А просыпаясь, помнит лишь одно – ему приснился кошмар, и оттого глаза его мокры от слёз. Помнит одно, ничего больше. Просыпаясь, он оставляет всё во сне.

Просыпаясь, Галилей переворачивается на спину, подкладывает под голову руку и смотрит в тёмный потолок. Потолок белый, но стоит глубокая ночь, и потолок тёмный. В спальне тихо, и ничто не мешает астрологу попытаться вспомнить, что же ему снилось. Он пытается, хотя знает, что ему будет страшно, но не может...

Не может уже много лет.

Глава 1

*...в которой Бедокур и Мерса производят впечатление,
Крачин становится преступником, Дорофеев готовится,
Галилей боится, Помпилио слушает наставления,
а дер Жи-Ноэль совершает прыжок на Пелеранию*

– Сколько-сколько лет ты служишь? – переспросил Бедокур, добродушно разглядывая военного. Сверху вниз разглядывая, с высоты гигантского даже по меркам шифбетрибсмейстеров роста. – Сколько?

– Десять лет, – повторил военный. И нервно поёрзал, догадываясь, что одним вопросом здоровяк не ограничится.

И не ошибся.

– Десять лет... – протянул Чира, глядя на собеседника так пристально, словно каким-то образом узнал дату его рождения и теперь высчитывал ближайшее будущее с помощью всех восьмидесяти семи гороскопов, которые помнил наизусть. – И когда тебя перевели в артиллерию? Позавчера?

– С первого дня при орудиях! – военный попытался изобразить обиду, но не преуспел.

– Снаряды подносил?

– Что?!

– Просто спросил. – Чира пожал могучими плечами и приятно улыбнулся.

Оппонентом Бедокура выступал не рядовой пехотинец, а целый штаб-сержант, командир приданного испытателям расчёта, человек, судя по нашивкам, заслуженный, авторитетный, однако как вести себя с Бедокуром, он понимал плохо, потому что, с одной стороны, перед ним возвышался пусть и здоровенный, но всё-таки механик, причём соответствующим образом одетый: штаны с накладными карманами, цепарские башмаки, майка и лёгкая летняя цапа. Но при этом не следовало забывать, что шифбетрибсмейстер – должность офицерская, рядового во главе инженерной службы цеппеля никто не поставит, то есть, несмотря на внешний вид и простоватое лицо, механик и по должности, и по званию стоял много выше штаб-сержанта. А последний, очень важный для осмысления ситуации пункт заключался в том, что второй главной обязанностью шифбетрибсмейстеров было непосредственное управление нижними чинами, собственно, поэтому при прочих равных капитаны предпочитали видеть на этой должности парней, с трудом проходящих в стандартные дверные проёмы. Чира Бедокур был именно таким, даже несколько больше, и несчастный штаб-сержант не сомневался в том, что при желании шифбетрибсмейстер «Пытливый амуш» с лёгкостью раскидает по округе и его расчёт, и приданное им в помощь отделение горных егерей.

Именно поэтому штаб-сержант заставил себя сдержать рвущиеся наружу ругательства и со всей возможной вежливостью ответить:

– Я уверен в своих словах, шиф: дистанция до цели – две с половиной лиги.

Несколько мгновений Бедокур внимательно разглядывал покрасневшего военного, по всей видимости решая, какую линию поведения выбрать, затем кивнул, мягко отодвинул штаб-сержанта от дальномёра, проворчал:

– Приятно, что ты хоть в чём-то уверен. – Склонился над прибором, полностью заслонив его, поправил пару настроек, вздохнул и предложил: – Проверь.

Штаб-сержант молча посмотрел в окуляр, помолчал и тихо произнёс:

– Три.

Комментировать ответ шиф не стал, услышал вопрос Мерсы и повернулся к нему:

– Долетят? – поинтересовался алхимик, с сомнением разглядывая выставленные на направляющие ракеты.

– А куда они денутся? – удивился Бедокур. – Долетят, конечно. Главное, чтобы твоя смесь взорвалась.

– Она не взрывается, а...

– Я имею в виду в полёте.

– Смесь не взрывается, – продолжил Мерса, привычный к тому, что его постоянно перебивают. – При ударе... э-э... происходит самовоспламенение...

– Главное, чтобы не в полёте, – повторил Чира.

– Главное, чтобы э-э... твои штуки вообще долетели.

– Всегда долетали.

– И ни разу... э-э... не загорелись в полёте.

– Вы, алхимики, такие зануды.

– Но...

– Короче, не взорвётся, я понял, – усмехнулся Бедокур и отвернулся.

Алхимик вздохнул и поправил очки.

Второй находящийся на позиции офицер не отличался ни ростом, ни сложением... вообще ничем не отличался и не выделялся, ну разве что носом – нос у Мерсы был большим, мясистым и полностью доминировал на тусклом, абсолютно незапоминающемся лице. Алхимик тоже предпочитал штатское – сюртук и шляпу, что особенно бесило штаб-сержанта, привыкшего к тому, что офицеры в обязательном порядке носили форму. Где погоны? Где нашивки? Где другие знаки различия? Как можно понять, кто перед тобой, если на нём сюртук или вообще цепарские шмотки? Зачем вводить людей в заблуждение?

Однако штаб-сержанту хватало ума прятать раздражение в себе и нехотя, но подчиняться странной парочке, которая должна была продемонстрировать высшим офицерам Лингийского флота новое и необыкновенно разрушительное оружие. Настолько новое и секретное, что со всех участников испытаний взяли дополнительное письменное обязательство о неразглашении. Хотя и так было понятно, что раз на полигон явился сам дар Антонио, владетель дарства Кахлес, дело действительно важное.

Но при этом оружие не произвело на штаб-сержанта особенного впечатления. Показалось странным и непонятным. И на взгляд артиллериста, несерьёзным. Ну как несерьёзным? Сами по себе уложенные на направляющие «ракеты» выглядели достойно: длинные, по четыре метра, трубы, снабжённые маленькими металлическими крыльями по бокам и на хвосте. Они, конечно, не могли соперничать с артиллерийскими снарядами, особенно большого калибра, которые прилагались к массивным орудиям – солидным и надёжным, одним своим видом внушающим уважение. Но тем не менее казались на что-то годными... Хотя... Что могут четырёхметровые трубки? Что они могут, если их испытатели вынуждены тщательно высчитывать расстояние до цели, опасаясь, что «ракета» не долетит и упадёт на землю.

Срам, короче, а не оружие.

Однако штаб-сержант благоразумно держал эти мысли при себе. И без охоты, но подчинялся странной паре, больше походивших на контрабандистов, чем на офицеров Астрологического флота. И если тихого алхимика ещё можно было с натяжкой причислить к приличным людям, то шумный, здоровенный шиф производил неизгладимое впечатление не только размерами, но и обилием всевозможных амулетов и оберегов. На широкой груди носил медальоны Доброго Маркуса, небесного покровителя Линги, и почитаемого всеми цепарями святого Хеша. С медальонами соседствовали амулеты: кривая раковина хансейских жриц Большого Фебула, усиливающая удачу обладателя на количество завитков, и редчайшая подъязыковая косточка лагорианской обезьяны Ким. А на мощных руках Бедокура позвякивали многочисленные браслеты-обереги.

– Помогают? – набравшись духу, спросил штаб-сержант, кивая на амулеты.

– Как видишь, до сих пор жив, – пожал могучими плечами Бедокур. После чего покосился на Мерсу и продолжил: – И пережил четырёх корабельных алхимиков, между прочим.

– Случайность, – отозвался тот, глядя на шиф-бетрибсмейстера хладнокровно.

– Они тоже не были уверены в своих смесях.

– Я уверен.

– Очень опасная смесь? – поинтересовался штаб-сержант.

– Цель видишь? – Бедокур кивнул на цеппель, о расстоянии до которого они только что спорили.

– Вижу.

– Мы её сожжём.

– Шестью трубками? – не поверил штаб-сержант.

– Называй их «ракетами», военный.

– Всего шестью?

– Больше не привезли, – притворно развёл руками Бедокур. – Придётся обойтись теми, что есть.

– Но как?

– Увидишь. И отвечая на предыдущий вопрос: да, смесь опасная, и если она тут расплескается, живым никто не уйдёт.

– Она расплескается только в том случае, если твоя ракета взорвётся на старте, – проворчал Мерса.

– Она обязательно взорвётся, – пообещал шиф. – Для того чтобы улететь.

– Ты ещё не делал ракету такого... э-э... размера.

– А ты сам сказал, что улучшил стартовую смесь. И теперь ей нет доверия.

Мерса махнул рукой, показывая, что не намерен продолжать спор.

– Всего шесть ракет? – повторил штаб-сержант. Он не был уверен что у странных цепарей получится задуманное, но почувствовав их уверенность, стал смотреть на «ракеты» другими глазами. Потому что шестью снарядами цеппель не уничтожить... ну, разве что при очень большой удаче.

– Да, шестью.

Штаб-сержант кивнул, показав, что услышал ответ, и перевёл взгляд на приговорённый к уничтожению доминатор. Старый корабль, давным-давно превращённый в мишень, и до которого, если верить дальномеру, было три полноценные лиги.

///

– Уничтожат? – не отрывая от глаз бинокль, спросил старый адмирал дер Чизипер, некогда начальник штаба Лингийского флота, дарство Кахлес, а ныне председатель Комитета по делам вооружений. В обязанности старика входила оценка перспективных образцов оружия, и потому он чаще остальных бывал на Каждальском полигоне.

– Уничтожат, – спокойно подтвердил Помпилио дер Даген Тур.

– Шестью металлическими трубками?

– Да.

Старик опустил бинокль и посмотрел на Помпилио.

– Сомнительно.

– Я тоже удивился, дядюшка. Но уже дважды видел ракеты в бою и знаю, что доминатор будет сожжён.

– Посмотрим.

– Увидишь.

Адмирал пожал плечами и перевёл взгляд на дара Антонио, тот тонко улыбнулся, но промолчал.

Наблюдать за испытаниями решили в привычно комфортной обстановке – с открытой палубы «Эрмизанской девы», флаг-яхты дара Кахлес, – на которой собралось примерно двадцать мужчин в повседневных военных мундирах, от командора и выше. Для их удобства цеппель поднялся на двести метров и развернулся так, чтобы приговорённый к уничтожению доминатор оказался в прямой видимости.

Появление на полигоне роскошной яхты – с белоснежной «сигарой» и бордовой, с золотом, гондолой – стало следствием предпринятых военной контрразведкой беспрецедентных мер секретности и безопасности: официально считалось, что дар Антонио пребывает с частным визитом в Даген Туре, а он не мог отправиться к любимому брату на крейсере. Дар действительно прибыл во владения Помпилио, пробыл в гостях полдня, после чего они собрались «на охоту» и вылетели на полигон. Примерно такие же меры конспирации были предприняты в отношении двух академиков и главы министерства промышленности. И только группа высших чинов Лингийского флота явилась в безводную Каждальскую степь открыто – на давным-давно запланированные учения, которые проходили сейчас в южной части гигантского полигона.

- Я слышал, с помощью этих ракет были уничтожены два галанитских крейсера?
- Официально те корабли не принадлежали Компании, – усмехнулся Помпилио.
- Не имеет значения.
- Согласен.
- Мы знаем, кто их послал.
- Именно!

Вражда с Компанией, старинная, уходящая корнями в далёкое прошлое, могла затихнуть, но не могла прекратиться. В своё время галаниты безжалостно вырезали все адигенские семьи на своей планете, прервав старинные династии и объявив себя «свободными от сословных предрассудков». То есть введя имущественный ценз в интересах разбогатевших простолюдинов. К новому цензу можно было относиться по-разному, спорить о преимуществах и недостатках, а вот жестокое истребление родственников адигены галанитам не забыли, забывая не собирались и потому каждое их поражение воспринимали с большим энтузиазмом.

– Галанитские крейсера были сбиты ракетами? – уточнил подошедший министр промышленности.

– Да, – подтвердил дер Даген Тур. – Один – с земли, как будет продемонстрировано сейчас, второй – с борта «Амуша».

– Ты рискнул разместить на «Амуше» столь опасное оружие?

Удивление имело под собой все основания, поскольку трепетная любовь Помпилио к своему исследовательскому рейдеру – официально самому быстрому в Герметиконе – была общеизвестна.

– В первый раз у Дорофеева не было другого выхода, кроме как разместить ракеты на корабле, – рассказал дер Даген Тур. – А во второй раз у нас уже появился достаточный опыт. К тому же у меня отличный алхимик.

– Если испытания пройдут так, как ты обещаешь, у тебя будет не только отличный, но ещё и очень богатый алхимик, – пообещал министр промышленности. – Мы не поскупимся.

- Жаль будет его потерять? – улыбнулся адмирал дер Чизипер.
- Мерса не уйдёт, – спокойно ответил Помпилио.
- Даже с такими деньгами?
- С такими деньгами тем более.
- Уверен?
- Абсолютно.

И спорить не имело смысла, поскольку Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур был не просто адигеном, правителем по происхождению, но принадлежал к одной из древнейших лингвистических, а значит, всего Герметикона, – династии даров Кахлес, ведущих свой род от Первых Царей. То есть разбирался в людях досконально.

Как и все Кахлеса, дер Даген Тур был абсолютно лыс и отличался заурядным сложением: чуть выше среднего роста, плотный, с короткими толстыми ногами и короткими толстыми руками, он, как и находящийся рядом брат, напоминал крестьянина, простолюдина, для смеха наряженного в офицерский мундир. Но стоило взглянуть на его лицо – и вся тысячелетняя история Кахлесов оказывалась как на ладони. Выпуклый лоб, казавшийся еще большим из-за отсутствия волос, запавшие серо-стальные глаза, нос с горбинкой и довольно широкими крыльями, острый, чуть выступающий вперед подбородок – сочетание черт было некрасивым, но притягивающим. Это было лицо прирождённого лидера, не желающего и не умеющего подчиняться.

– Сколько будет ракет? – переспросил дар Антонио.

– Шесть, – ответил Помпилио.

– Хватит?

– Хватит.

– Тогда пусть начинают.

///

– Сигнал, – закричал сержант, указывая на флаг-яхту.

И сделал движение к ракетам.

– Не спеши. – Бедокуру не требовалось толкать военного или применять силу, он мягко прихватил штаб-сержанта за шкурку и чуть приподнял, не позволив приблизиться к оружию. А когда убедился, что тот не только смотрит на него, но и понимает, спокойно велел: – Уводи своих людей.

– То есть?

– В укрытие, военный, тут может быть опасно.

– Я хочу посмотреть!

– Это не выстрел из пушки, – ещё раз объяснил шиф. – Во время залпа здесь всё выжжет.

– Что выжжет?

– Всё! – Бедокур повернулся к напарнику. – Мерса?

– У меня всё готово, – ответил алхимик, присаживаясь к шнурам. Все они были одной длины, чтобы ракеты стартовали одновременно. – Поджигать?

– Сержант, в блиндаж!

И лишь убедившись, что военные бросились в укрытие, Бедокур кивнул:

– Поджигай. – И прищурился, глядя на весело занявшиеся шнуры. – Пошли, Энди, теперь от нас ничего не зависит.

///

Бедокур хотел запустить ракеты последовательно, с интервалом в пять секунд, чтобы получилось эффектнее, однако благоразумный Мерса указал, что первый старт способен сжечь не успевшие догореть шнуры, и Чира согласился сделать их одинаковыми. В итоге ракеты стартовали одновременно, и едва раздался последний, шестой, стартовый взрыв, как Бедокур и Мерса выскочили из блиндажа и устали на громадную мишень, к которой приближалось шесть огненных точек.

– Каждый раз как первый, – хмыкнул шифбетрибсмейстер.

- Как ты можешь так говорить? – поморщился алхимик.
 - А что такого я сказал?
 - Мы выпустили дракона.
 - Когда мы выпускали дракона, то спасали жизни.
 - Свои.
 - Мы не имеем права на жизнь?
 - Мы – имеем, – согласился алхимик. – А...
 - А те, кто на нас тогда напал – получили по заслугам, – отрезал Бедокур.
- И замолчал, потому что шесть огненных точек врезались в «сигару» доминатора.

Но ожидаемого всеми взрыва не последовало: ракеты пробили обшивку, влетели внутрь гигантской машины и несколько следующих мгновений ничего не происходило. Доминатор спокойно висел в воздухе, и только шесть дыр в его боку свидетельствовали о том, что он подвергся атаке. Впрочем, какой атаке? Показалось, что огромный летающий корабль просто-напросто поглотил посланные в него ракеты, переварил и позабыл.

- Что дальше? – спросил штаб-сержант.
- Увидите, – тихо ответил Мерса.
- Сейчас всё будет, – пообещал шифбетрибсмейстер.

И не обманул.

Военные продолжали ждать взрыва, но сначала повалил дым – из всех шести отверстий. И из других щелей, которые смог отыскать. Густой чёрный дым, показывающий, что внутри занялся жестокий пожар. Дым поднимался вверх, но не весь, весь не успевал, особенно тот, что вырывался снизу корпуса, из оружейных портов и других отверстий – он не улетал и струился вдоль «сигары», словно слипаясь с ней, окутывая серебристый доминатор извивающимся чёрным.

А затем стала краснеть обшивка.

Изнутри. А значит, температура поднялась до чудовищных значений... и наконец-то раздался столь ожидаемый военными взрыв. Первый, но не последний. Положивший начало целой серии взрывов, прогрехотавших внутри раскалённой «сигары» и разваливших её на части. То, что ещё недавно было гордым, пусть и старым, доминатором, кусками осыпалось на сухую землю Каждальского полигона.

///

– Впечатляет, – протянул дар Антонио, наблюдая за горящими обломками. – И команда ничего не может сделать?

– Я видел три атаки и ни разу команда не сумела справиться с начавшимся на борту пожаром, – ответил Помпилио.

– Кроме того, мишень была пуста, дар, – тихо добавил адмирал. – А на боевом корабле будут боеприпасы. И когда огонь до них доберётся, взрыв превзойдёт то, что мы сейчас видели.

– Судя по всему, смесь сама по себе удивительно хороша, – заметил адмирал дер Чизипер. – Нужно всего лишь направить ракеты в баллоны с газом: смесь прожжёт их, и цеппель окажется на земле.

– Успех, – министр промышленности потёр руки. – Успех.

К виновнику торжества стали подходить офицеры.

– Командор дер Даген Тур, позвольте вас поздравить: оружие блестяще себя показало.

– Оно действительно сделано из шутихи?

– Придумали, как сделать, кузен, – уточнил Помпилио. – Некоторое время назад мои люди оказались в крайне затруднительном положении, требовалось вести бой с превосходящими силами, и им пришлось выкручиваться.

- Победили?
- И в тот раз, и в следующий.
- Они у тебя молодцы.
- Я собирал их много лет.
- Я помню...

По случаю завершения – и весьма успешного завершения! – испытаний было подано игристое и лёгкие закуски. Свежий воздух способствовал улучшению аппетита, и гости с удовольствием принялись за угощение. Помпилио взял бокал и присоединился к академикам.

- Что скажете?
- Великолепно.
- Мы внимательно изучим устройство этих... ракет. Полагаю, они требуют некоторой доработки.
- Три лиги – это очень мало, – добавил старый дер Чизипер. – Нужно не меньше десятка.
- Что же касается смеси, уже сейчас видно, что она великолепна. Я с удовольствием возьму твоего алхимика в свою лабораторию.
- Артиллерия устарела.
- Нет. Ни в коем случае.
- Но пушки весят много. А для шутих нужны только направляющие.
- Для ракет.
- Зато снаряды дешевле. И не забудьте, что галаниты делают ставку на аэропланы, а их шутихами не собьёшь.
- Ракетами.
- Всё равно. Против быстрых аэропланов нужны крупнокалиберные пулемёты и скорострельные пушки, это обстоятельство ещё долго не изменится. Что же касается ракет...
- Если сделать ракеты достаточно большого размера, то можно накрывать не единичные цели, а площади. Например...
- Города, – негромко закончил подошедший со спины старого адмирала дар Антонио. И при его появлении все замолчали. – Если сделать достаточно большие ракеты, они позволят обстреливать военные лагеря, места дислокаций, а при желании – поселения.
- С мирными жителями? – тихо спросил министр промышленности.
- Да, – спокойно подтвердил дар.
- Кто на это пойдёт?
- Те, кто вырезал всех адигенов планеты, включая стариков, детей и женщин. Те, кто заблокировал Ши-Кализ на Верзи и уморил голодом всех его жителей. Те, кто считает себя высшей расой и единственно правыми. Они без колебаний зальют наши города этим огнём. – Взгляд старшего Кахлеса упёрся в брата. – Ты показал нам страшное оружие, Помпилио, очень страшное. Но по-настоящему ужасным оно станет, когда будет скопировано и обрушится на наши города...
- Значит, мы должны убить их первыми, – твёрдо произнёс Помпилио. – Только и всего.

* * *

«И я благодарен судьбе за то, что мне довелось служить со столь замечательными людьми...»
из дневника Андреаса О. Мерсы alh.d.

///

– Ты это чувствуешь? – Толстый мужчина, облачённый в синюю полицейскую форму, поднял голову и принялся. – Чувствуешь?

– Что именно, синьор капитан? – осторожно поинтересовался его спутник, не менее массивный полицейский вахмистр.

– Вихель, – коротко ответил капитан.

– Правда? – вахмистр принялся. – Что-то не чувствую.

И немудрено: разговор уважаемых блюстителей порядка происходил на открытой корме идущего в Даген Тур парома, и гуляющий над озёрной гладью ветер легко и непринуждённо разгонял дымок – если он был, – появляющийся при курении запрещённой травы.

– Точно тебе говорю: кто-то здесь дует, – уверенно ответил капитан. – Я служил в Маркополисе и эту дрянь за лигу учую. Уж очень у неё характерный запах.

Капитан Южир действительно начинал службу в сферопорту Линги, однако проработал недолго – набрался опыта, уверенности в себе, дослужился до штаб-лейтенанта, после чего вернулся в родное захолустье, на сытую и спокойную должность начальника полиции.

Ну как захолустье...

Небольшой городок Даген Тур действительно мог претендовать на звание самого «медвежьего» из всех «медвежьих углов» Линги: древний, гордящийся тем, что в него забредал сам Добрый Маркус, не меняющийся, богатый, неспешный настолько, что казался полусонным, но при этом известный на весь Герметикон. Разумеется, благодаря тому, что принадлежал Помпилио дер Даген Туру, знаменитому путешественнику, исследователю, первооткрывателю и родному брату дара Антонио Кахлеса. Благодаря этому обстоятельству жители «классического лингийского захолустья» привыкли к визитам высших адигенов и даже коронованных особ, причём не только лингийских и прочих персон, которых жители настоящего захолустья видели исключительно в газетах. При этом должность полицейского начальника действительно была на редкость спокойной: поголовно вооружённые жители Даген Тура отличались выдающейся взаимной вежливостью и легко могли урегулировать с чужаками эксцессы любой сложности; что же касается экипажей посещающих захолустье цеппелей, они прекрасно понимали, где оказались, и вели себя благоразумно.

Другими словами, на вверенной попечению капитана территории если кто и позволял себе выкурить трубку с вихелем, то лишь приняв нереальные меры предосторожности. И потому подозрительный дымок вызвал в душе Южира целую гамму эмоций: мало того, что нарушение происходит в общественном месте, так ещё и на глазах начальника полиции!

Ну, почти на глазах.

– Нужно проверить.

Вахмистр, которому было приятно и покойно молча бездельничать на корме, подавил вздох разочарования и послушно двинулся за устремившимся на поиски нарушителя капитаном, размышляя о том, что никто из жителей Даген Тура дуть на пароме не станет, да и никто из благоразумных лингийцев не станет, а значит, дело они имеют или с отморозком, которого придётся успокаивать в рукопашной, или с забывшимся адигеном.

И ошибся.

– Теперь я уверен, что это вихель, – пробормотал синьор капитан, направляясь к ведущей на верхнюю палубу лестнице – по мере приближения запах становился всё сильнее и сильнее. – Никаких сомнений: на борту нарушитель!

Однако добраться до преступника Южиру помешал преградивший дорогу матрос. Попытался преградить. Матрос стоял около лестницы и, казалось, просто бездельничает, но увидев,

что полицейские намерены подняться на открытую палубу, мгновенно оказался перед толстяком и сообщил:

– Закрыто.

– Что значит «закрыто»? – изумился Южир. – Ты знаешь, чем тут пахнет?

А пахло около лестницы необычайно сильно. И теперь уже не оставалось сомнений в том, что на пароме кто-то употребляет вихель.

– Знаю, – уныло ответил матрос. – Но наверх нельзя.

– Прочь с дороги.

– Палуба полностью выкуплена.

– Кем?

– Теми, кто решил добраться до Даген Тура в одиночестве.

Будь Южир чуть менее взволнован, он бы наверняка заметил, что хитрый матрос, явно не любящий полицию, изо всех сил избегает называть подозрительных пассажиров, отделяясь общими фразами. Однако синьора капитана интересовали другие вопросы:

– Их много?

– Несколько человек.

– Я хочу их видеть!

– Они просили никого не пускать.

Вахмистр хмыкнул, но тут же заткнулся. Капитан понял, что теряет лицо, и начал злиться. Но неспешно начал, поскольку его целью был нарушитель, а не матрос.

– Сынок, ты знаешь, кто я? – негромко, но с явной угрозой в голосе осведомился Южир.

– Знаю, – кивнул матрос. – Но лучше вам туда не ходить.

– На верхней палубе совершается преступление, и я обязан его пресечь.

– Я вас предупредил, – вздохнул матрос, отходя в сторону. – И добавлю, что за последствия не ручаюсь.

– Да кто бы там ни был!

Южир поднялся по лестнице, распахнул дверь, уверенно вышел на открытую палубу и... замер неподвижно. Уверенность оставила синьора капитана в тот момент, когда он увидел лежащего в шезлонге мужчину. Не отморозка и не адигена.

– Ипсанский муть, – прошептал нецензурщину стоящий за спиной вахмистр, и синьор капитан был полностью согласен с подчинённым: именно муть. Необязательно ипсанский, конечно, но явно муть.

В шезлонге расположился очень высокий мужчина – рост был замечен даже сейчас, когда он почти лежал – с тёмными, с густой проседью волосами и бородкой клинышком. Из-за бородки мужчина походил на заумного профессора, однако синьор капитан никогда не встречал учёного, так сильно похожего на военного. А вот военного, сильно похожего на профессора, полицейскому видеть доводилось. Познакомиться лично им ещё не пришлось, но развалившегося в шезлонге мужчину синьор капитан знал: это был Аксель Крачин, старший помощник капитана «Пытливому амуша», бывший эрсийский кирасир, отчаянный и лихой настолько, что мессер Помпилио лично предложил ему войти в команду рейдера. И это был последний человек в мире, с которым полицейский рискнул бы связываться. Точнее, предпоследний: в первую очередь Южир не стал бы связываться с самим мессером Помпилио, за ним с Крачиным, следом шёл Бедокур, который однажды в одиночку поколотил десятерых цепарей с зашедшего в Даген Тур доминатора, и уж потом следовали дары, бамбальеро и прочие воины. И вот перед синьором полицейским капитаном полулежал второй номер списка, и тот факт, что Аксель пребывает в благодушном настроении и с удовольствием подставляет лицо свежему ветру – пытаясь прийти в себя, – не вводил Южира в заблуждение. Но и отступить капитан не мог, поскольку за его спиной мялись вахмистр с матросом, и уйди он сейчас, по его авторитету будет нанесён колоссальный удар.

– Добрый день!

– Разве мы не оплатили палубу целиком? – грубовато поинтересовался второй шезлонг. –

Пусть они уйдут.

– Они не уйдут, – лениво ответил Крачин, избегая смотреть куда-то, кроме бескрайнего простора. Судя по всему, вид озера его успокаивал.

– Почему?

– Потому что это полиция, – сообщил Аксель.

При этом Южир мог поклясться, что длинный эрсиец ни разу не взглянул в его сторону!

– Меня сейчас стошнит, – пожаловался второй шезлонг.

– Из-за полиции?

– Просто так.

– Ты – медикус, сделай что-нибудь.

– Могу подойти к борту.

– И всё?

– Могу не подходить, – подумав, ответил тот, кого Крачин назвал медикусом.

– Нет, лучше подойди.

– Не уверен, что успею.

– Тогда меньше болтай.

– Зачем мы взяли билеты на утренний паром?

– Паром уходил в три пополудни.

– Я ведь говорю: ранний...

Мужчина из второго шезлонга закашлялся и поднялся.

Альваро Хасина, корабельный медикус «Пытливому амуша», был высок, почти как Крачин, и очень худ, чем напоминал марионетку. Однако основное внимание привлекала не столько худоба, сколько голова медикуса – формой она удивительно походила на яйцо. Впечатление усиливалось тем, что волосы у сорокалетнего медикуса оставались только за ушами да на затылке, и яйцо открывалось взглядам окружающих во всём своём великолепии. Большое яйцо с большими ушами. Альваро был отличным медикусом, во время стоянок «Амуша» подрабатывал в городской больнице и как-то вылечил племянника Южира от подцепленной в Маркополисе гидры. О чём племянник вспоминать не любил, потому что нехорошая болезнь едва не стоила ему свадьбы.

– Действительно полиция, – пробормотал Хасина, проходя мимо синьора капитана.

– Добрый день, – зачем-то сказал Южир.

Ответа не последовало, поскольку медикус как раз добрался до борта.

И оказался возле Галилея Квадриги, корабельного астролога «Пытливому амуша», который, собственно, и был источником привлёкшего полицейских запаха. В смысле его источником была трубка, которой астролог беспечно пыхтел, с интересом разглядывая бескрайнее озеро Даген. Самое большое на Линге. По праву называемое «морем Кахлесов». Берегов сейчас видно не было, поэтому рассеянный взгляд Галилея скользил по волнам, изредка задерживался на кружащих вокруг парома чайках, спотыкался о само судно, но ни разу не нашёл ни синьора капитана, ни вахмистра. Полицию астролог в упор не видел.

А полиция смотрела на него и не знала, что делать, по той простой причине, что корабельные астрологи обладали официальным разрешением от всех властей Герметикона на нарушение всех связанных с веществами законов.

– Я говорил, что сюда лучше не ходить, – пробубнил матрос, с трудом сдерживая смех.

И Южиру захотелось его арестовать. За препятствование правосудию, например. За то, что вредный матрос сразу не сказал, кто арендовал верхнюю палубу.

– Пусть принесут ещё пива, – распорядился Аксель, закрывая глаза. – Хватит пить вредную минералку – от неё у Хасины сделались судороги.

– Слушаюсь, синьор Крачин, – рывкнул матрос и бросился исполнять.

Сам Хасина по понятным причинам от комментариев воздержался. Офицеры продолжали демонстрировать запредельное хладнокровие, никак не реагируя на присутствие представителей законной власти, справедливо полагая, что сами служат этой самой власти, ничего такого не сделали, а значит, могут игнорировать кого хотят. Что же касается Южира, то придя в себя после первого шока, он почти собрался уйти, но задержался, слегка обиженный равнодушным отношением к своей, безусловно, значимой персоне. И с каждой секундой ситуация становилась всё более непонятной, то есть непредсказуемой, поскольку обида нарастала, а физиономия полицейского багровела.

Но в тот самый момент, когда показалось, что скандал неминуем – как раз внесли пиво, – к обиженному Южиру подкатил невысокий кругленький человечек и улыбнулся, как родному:

– Синьор капитан!

– ИХ, – выдохнул полицейский.

– Как приятно, что вы меня помните.

– Давно помню...

– Да... история нашей дружбы насчитывает не один год, – пустился в воспоминания суперкарго. – В ту зиму меня изрядно потрясла чимпанская лихорадка, которая завершилась неприятными высыпаниями.

– Тем не менее тебя не повесили.

– И правильно, надо сказать, сделали, – расплылся в улыбке кругленький.

Знакомство Иоахима Христофора Бабарского с жителями патриархального Даген Тура началось с небольшого мошенничества и как следствие – с оперативного решения местного судьи о повешении нахального инопланетника. Это своих лингвисты могли судить годами, тщательно обсуждая предыдущую жизнь оступившегося соседа, а с инопланетниками особо не церемонились. ИХ уже попрощался с жизнью, но на его счастье в Даген Тур вернулся Помпилио, и судьба незадачливого мошенника совершила лихой поворот. Узнав, что его обычно спокойные, но временами буйные подданные вновь собрались кого-то вешать, Помпилио затребовал материалы дела, потом переговорил с ИХ, оценил уровень его пронырливости как интересный и принял решение о помиловании. Потому что ему как раз требовался толковый суперкарго. С тех пор Бабарский служил на «Пытливом амуше», знал поимённо всех жителей Даген Тура и со всеми раскланивался. Тем более с начальником полиции.

– Решили заглянуть на верхнюю палубу, синьор капитан? Тоже нужно проветриться?

– В смысле?

– Свежий воздух ещё никому не вредил. Особенно по утрам.

– День к вечеру идёт.

– Именно это я и имел в виду, синьор капитан.

Южир понял, на что намекает ИХ, собрался возмутиться, но передумал, сообразив, что никто, кроме Бабарского, с ним разговаривать не станет.

– Я посещал Челлингрид для участия в полицейской конференции.

– Мы слышали о ней, – подтвердил Бабарский. – И старались не появляться в том районе, где вы... где ваши коллеги... гм... В общем, мы старались не появляться.

– Весьма предусмотрительно.

– Поэтому мы – офицеры, синьор капитан, нам положено быть предусмотрительными.

– Были бы предусмотрительными – возвращались бы завтра, – громко произнёс Аксель.

– А что бы изменилось?

– Пожалуй, ничего, – подумав, согласился Крачин. После чего сдул пену и одним глотком опустошил половину кружки.

Господин полицейский капитан изволили посмотреть на старшего помощника с некоторой завистью. И не зная, как напроситься на угощение, поинтересовались:

– То есть вы развлекались в Челлингриде?

– Да как сказать... – протянул Бабарский. – Скорее отдыхали. Цепарская жизнь полна опасностей, знаете ли...

Помпилио запрещал офицерам шуметь в патриархальном Даген Туре, да и шуметь, говоря откровенно, в нём было особо негде, поскольку из тонких развлечений Даген Тур предлагал исключительно трактиры с известным набором спиртного. Вот и приходилось посещать крупные города, благо до Скокконбриджа было всего два часа на поезде, а до Челлингрида – четыре, но по озеру, прогулки по которому Бабарский весьма любил. Города эти нельзя было назвать эпицентром разврата, однако развлечений хватало, и на репутации мессера Помпилио похождения офицеров никак не отражались.

– К тому же в Челлингриде есть несколько замечательных клиник, а мне как раз требовалось посетить хороших медиков, способных разобраться с букетом моих смертельных заболеваний...

Словоохотливый Бабарский очень любил делиться с собеседниками трагическими диагнозами, которые сам себе ставил и с которыми мужественно сражался. Вот и сейчас он собрался оседлать любимого конька, сообщив:

– Вы тоже заметили, что здесь очень дует?

Но при этом неожиданно помог полицейскому вернуться к позабытой, было, теме:

– Здесь действительно дует... – громко произнёс Южир, направляясь к Галилею. – В смысле кто-то дует.

– Какой интересный сленг, – пробормотал семенящий слева ИХ. – Употребляете?

– Ты ведь знаешь, что нет, – резко ответил капитан. – Вихель запрещён.

– А когда не на службе?

– На что ты намекаешь?

– Дело в том, что вчера я случайно оказался в трактире «Пятнистая пятница», в котором коротали вечер ваши коллеги... уставшие после конференции... и я...

– Об этом тебе лучше помалкивать, – с прежней резкостью оборвал суперкарго Южир. И остановился перед Квадригой. – Дуешь?

Астролог ответил полицейскому не очень долгим, но дружелюбным взглядом и щедро поинтересовался:

– Будешь? – небрежно пыхнув синьору капитану в лицо.

Со стороны могло показаться, что Галилей не понимает, кто перед ним оказался, но в действительности ему было всё равно.

А вот окружающим – нет. И если Бабарский по-прежнему демонстрировал представителю власти полнейшую лояльность, то двух его длинных спутников навязчивость Южира стала раздражать. Они понимали, что полицейский ошибся и теперь отчаянно пытается спасти лицо, но помогать ему не собирались. Впрочем, нет: как раз ИХ и попытался оказать синьору капитану посильную помощь.

– Уже уходите? – осведомился суперкарго, глядя на полицейского начальника вежливо.

– Я хочу в точности знать, что здесь не употребляет никто, кроме астролога.

– Не употребляет, – торопливо заверил Южира Бабарский. Поскольку заметил, что у Акселя дрогнули пальцы левой руки.

– Я хочу убедиться.

– Лучше вам поверить на слово.

– Это угроза?

– Ни в коем случае, синьор капитан. Мы бы себе не позволили...

– Может, бросим кого-нибудь в воду? – вдруг спросил Хасина. – Принесём, так сказать, в жертву озёрным духам... Бедокуру понравилось бы.

Медикус как раз закончил перегибаться через борт, выпрямился, откашлялся... и спросил, заставив кругленькую физиономию Бабарского несколько вытянуться.

– А тут глубоко? – поинтересовался Галилей, воспользовавшись тем, что ИХ и полицейский не находились со словами: первый – от злости на Альваро, второй – от злости тоже.

– Раз мы тут плывём, значит, достаточно глубоко.

– Корабли не плавают, а ходят.

– Ходят солдаты строем.

– Зачем ты это сказал?

– Потому что мы плывём не на солдате. И даже не на корабле. Это паром.

– Он точно ничего сегодня не пользовал, кроме вихеля?

– Я ему не нянька.

– Вы что себе позволяете?! – рявкнул синьор полицейский капитан и, наверное, должен был повергнуть присутствующих в некоторую оторопь, но не получилось, потому что сразу же за воплем Хасина вытянул правую руку и сообщил:

– Смотрите, нас догоняют!

И все повернули головы в указанном направлении. Абсолютно все, включая капитана и вахмистра, которые ещё не понимали причину интереса офицеров «Амуша» к приближению катера с большой эмблемой полицейского управления Челлингрида на борту.

– Значит, он всё-таки донёс, – пробормотал Крачин. – Скотина.

– Я говорил, что так будет, – не удержался Галилей.

– Ты лучше вообще помалкивай, – буркнул Альваро. – Всё из-за тебя.

– Я не виноват в том, что Бабарский не договорился.

– Если бы я не договорился, вас бы ещё в порту арестовали.

– Не «вас», а «нас», – уточнил Аксель.

– Они имеют право нас преследовать?

– Почему нет?

– Разве Челлингрид не в соседнем дарстве?

– К сожалению, нет. Ты забыл, что Даген – внутреннее море Кахлесов?

– Я об этом и не знал.

– С севера к озеру примыкает какое-то другое дарство, – припомнил Хасина.

– Мы не на севере.

– То есть нас могут арестовать?

– Если догонят, – громко подтвердил Южир. После чего велел вахмистру: – Иди на мостик и скажи капитану, чтобы не останавливал паром без моего разрешения. – А когда помощник ушёл, вновь повернулся к заинтересованно замолчавшим офицерам: – Что вы натворили?

– А почему вы спрашиваете, синьор капитан? – осторожно осведомился ИХ. – В смысле желаете оказать посильную помощь коллегам?

– Я бы с удовольствием, – не стал скрывать полицейский, бросив недовольный взгляд на Квадригу, который с отсутствующим видом выбил трубку о борт и тут ж принялся набивать её новой порцией незаконной травы. – Но мессер меня наизнанку вывернет.

– Вполне возможно, – хихикнул Хасина.

– Абсолютно точно, – вздохнул Южир. – Но мне нужен законный повод встать на вашу сторону.

– В смысле?

– Я не могу встать на вашу сторону и затеять перестрелку с коллегами из Челлингрида, – которые находились в паре сотне метров от парома и громко приказывали остановиться. – Но если, к примеру, вы...

– Они могут нас арестовать? – изумился Галилей, раскуривая трубку.

– Да, – кивнул полицейский.

– Значит, мы просто не должны пускать их на борт, – догадался Хасина. И посмотрел на Акселя. Тот пожал плечами, показывая, что может перестрелять преследователей, но тут же кивнул на Южир, напоминая, что именно от этого синьор капитан и пытался их предостеречь.

– Что вы натворили?

– Ничего такого, за что мы можем понести наказание от мессера, – тут же ответил Бабарский.

– А от них?

– Их желание нас наказать вообще не рассматривается.

– Давайте сразу определимся: вы действительно за всё заплатили?

– Даже за ремонт в той комнате.

– В какой комнате? – нахмурился Южир.

– Поверьте, синьор начальник, вам лучше не знать.

– Точно заплатили?

Все посмотрели на астролога.

– Заплатил! У меня нет привычки ссориться с дилерами. Кроме того, вряд ли мои деловые партнёры побегут в полицию.

– Он заплатил, – подтвердил Крачин. – Я был рядом.

– Я прекрасно с ними лажу, – пробурчал астролог. – Они не рискнут меня трогать.

– Знаю... но так мне спокойнее.

– Тебе спокойнее, а они напряглись.

– Это их проблемы, – хмыкнул Аксель. – К тому же, посмотрев на меня, они дали тебе скидку.

– Давно пора, я ведь постоянный клиент.

– Давайте поговорим о том, что нас вот-вот могут арестовать.

– Пусть Аксель их пристрелит.

– За это мессер нас точно будет ругать.

Катер стремительно приближался. Подошедшие к борту матросы уже готовились швартовать его... в том случае, если капитан парома примет решение остановиться. Но пока вахмистр справлялся. Или же капитан не любил полицейских Челлингрида.

– Вы знаете выход, синьор Южир, – улыбнулся ИХ. – Иначе вы не отправили бы вахмистра к капитану.

Полицейский усмехнулся.

– И я умоляю вас не тянуть время: Аксель – очень хороший человек, но сейчас у него болит голова, а в таком состоянии – поверьте на слово, – он действительно способен затеять перестрелку.

– У него есть с собой оружие? – осведомился Южир.

– Аксель – бамбальеро, – сообщил Бабарский. Добавлять ничего не требовалось.

– Я могу официально выступить против коллег только в том случае, если вы... гм... – Южир не был уверен, что будет правильно понят, поэтому слегка смутился. – В том случае, если вы уже будете арестованы. Или кто-то из вас.

– С ума сошёл? – поинтересовался Хасина.

– Люблю такое, – захихикал Галилей. Но поскольку он был астрологом и пыхтел уже второй – как минимум – трубкой с вихелем, никто не смог бы точно сказать, что именно он прокомментировал.

– Что ожидает преступника? – задал деловой вопрос Бабарский.

– Условный? – полицейский вопросительно поднял брови.

– Условный штраф? – помог ему ИХ.

– Просто штраф, – кивнул Южир, понимая, что ни на что большее офицеры не согласятся.

– Договорились! – повеселевший суперкарго посмотрел на медикуса. – Альваро!

– Нет! – качнул головой тот.

– Времени нет!

Было понятно, что Хасина либо не согласится с просьбой ненадолго стать преступником, либо будет долго отнекиваться, поэтому Крачин молча поднялся с шезлонга, подошёл к Галилею, взял у него трубку и сделал глубокую затяжку.

– Этого достаточно? – поинтересовался Бабарский у полицейского.

– Вполне, – удовлетворённо ответил Южир.

И направился на переговоры с коллегами.

* * *

Владение Даген Тур, ещё тридцать лет назад принадлежавшее короне, представляло собой классический адигенский удел: старинный прибрежный город, смыкающий плодородную долину с огромным озером. Город с узкими мощёными улицами, домами под черепичными крышами и обязательным собором Доброго Маркуса на главной площади. А над городом, на доминирующей скале – столь же старинный замок. Старинный, но находящийся в идеальном состоянии, готовый и к осаде, и к светскому рауту.

И так же как над самим городом доминировала колокольня собора, над постройками замка возвышался Штандарт – самая высокая башня, некогда игравшая роль цитадели, а сейчас, как правило, использующаяся в качестве причальной мачты. И именно к Штандарту пришвартовалась «Эрмизанская дева», а чуть выше и правее неё важно висел сопровождающий дара Антонио доминатор. Не ожидающий подвоха, но с раскрытыми оружейными портами.

Братья Кахлес на полигоне не задержались: оценив изобретённые Бедокуром и Мерсой ракеты и обсудив увиденное с военными и учёными, они вернулись в Даген Тур, отобедали, после чего уединились в арсенале для финального разговора. Остаться у брата на ночь Антонио не планировал, сказав, что утром его ожидают важные дела. Но и к делам переходить не спешил: дождался, пока Теодор Валентин откроет бутылку красного и покинет зал, отломил немного сыра, пригубил вина и посмотрел на брата:

– Слышал, ты обновил коллекцию?

– Собираюсь обновить, – уточнил Помпилио. – В Химмельсгартне взошла новая звезда: мастер бамбад по имени Форсо.

– А по фамилии?

– Только имя.

– Имеет право.

– Да. – Дер Даген Тур помолчал. – Хочу пригласить его к себе. После того как вернусь из экспедиции.

И бросил быстрый взгляд на брата. А тот сделал вид, что увлечён разглядыванием арсенала.

Оружейная комната была обязательной и естественной частью любого замка, ведь каждый адиген – воин, даже если он строит карьеру по гражданской части или просто сидит в своём владении, занимаясь исключительно хозяйством. Каждый адиген знает, что владение оружием есть необходимость и неважно, офицер ты, профессор или художник – однажды твой дар или твоя Судьба призовут тебя к войне, и ты обязан быть к этому готов.

Ведь ты – адиген.

Что же касается арсенала замка дер Даген Тур, то внешне он не особенно отличался от сотен других подобных залов: на сложенных из грубого камня стенах были развешаны

щиты – как парадные, красивые, так и боевые, носящие на себе следы бесчисленных ударов и выдержавшие их с честью. Рядом с щитами – мечи и кинжалы, булавы и боевые молоты, секиры и шестопёры, и каждый клинок нёс на себе чью-то кровь. А разбавляли боевую сталь картины и гравюры, на которых лысые Кахлеса крушили врагов всеми доступными способами. Причём для картин были подобраны исключительно героические моменты, отражающие не только воинственность, но и благородство представителей древнейшей лингийской династии.

Однако главным сокровищем арсенала было не старинное оружие, а современное, но не роскошно украшенные охотничьи ружья, которыми любят хвалиться богачи, а безумно дорогие бамбады, созданные специально для Помпилио, идеально подогнанные под его фигуру, походку и манеру стрельбы. Бамбальеро, искуснейшие стрелки, прошедшие тяжелейшую школу Химмельсгартна, в совершенстве владели любым огнестрельным оружием, однако предпочтение отдавали бамбадам – сделанным только для них. Разумеется, если могли себе это позволить. Помпилио мог, и его коллекция считалась самой большой в Герметиконе.

И, разумеется, входящие в неё бамбады весьма часто использовались.

– Не уверен, что возьму с собой всё оружие, – негромко произнёс дер Даген Тур, задумчиво разглядывая стеклянные шкафы. – Учитывая, куда мы отправляемся, лучше взять больше боеприпасов.

Помпилио владел «Амушем» и мог приказать взять любой нужный ему груз, но он был опытным путешественником и без труда отказывался от удовольствия лицезреть все бамбады ради того, чтобы вернуться из опасных странствий живым и здоровым.

– Мерса, конечно, великий алхимик, способный выпарить порох из песка, но лучше не рисковать. Вдруг мы не отыщем в Туманности песок?

– Слышал, ты доверяешь Мерсе настолько, что носишь при себе сделанные им бомбы?

– При необходимости.

– Бомбы на основе нитробола, – с нажимом уточнил дар.

Самой мощной, но при этом нестабильной взрывчатки. Работать с нитроболом не любили и уж точно не вешали на боевой пояс заряженные им бомбы. А Помпилио вешал. И ещё держал при себе снаряженные нитроболом патроны.

Он прекрасно понял, что имел в виду брат, и повторил:

– Мерса – великий алхимик.

– Ты не передумал насчёт поездки? – быстро, словно опасаясь, спросил Антонио.

Несколько мгновений Помпилио удивлённо смотрел на брата, после чего прищурился:

– Не верю своим ушам.

– Не передумал?

– Это не поездка.

– Именно.

– Я отправляюсь...

– Я не в восторге от твоего решения присоединиться к Девятнадцатой экспедиции и отправиться в Туманность Берга, – жёстко перебил Помпилио дар.

Настолько жёстко, что дер Даген Тур изумлённо поднял брови, сделал глоток вина – только для того чтобы сбить резко поднявшийся градус разговора, и негромко спросил:

– Случилось что-то, о чём я не знаю?

– Не дурачься. – Антонио заложил руки за спину и прошёл по арсеналу. В одну сторону. Потом в другую. Не стесняясь показать, что нервничает.

– То есть ничего не случилось? – прищурился младший Кахлес.

– Случилось то, что тебя вновь потянуло на приключения, – ответил дар. – А мы оба понимаем, что экспедиция в Туманность необычайно опасна.

– Любой прыжок через Пустоту опасен, – с улыбкой ответил Помпилио. – Мы оба понимаем, что любой цеппель может не выйти из Пустоты.

– А ты хочешь добавить к опасности ещё и неизведанную планету.

– Я не собираюсь ничего добавлять, – резковато бросил дер Даген Тур. – Я отправляюсь в экспедицию.

– В опасную.

– Мы только что поговорили об опасностях, брат, и я не хочу возвращаться к этой теме.

Помпилио посмотрел остановившемуся Антонию в глаза. Тот помолчал, потом коротко кивнул, уселся в кресло, чем позволил брату сделать то же самое, и вновь взялся за сыр.

– Когда мы идём через Пустоту, от меня ничего не зависит, – примирительным тоном сказал дер Даген Тур. – Что же касается остального, то я абсолютно готов к любым опасностям, которые могут там подстергать.

– К любым?

– Абсолютно.

– Уверен?

– Всегда.

– А если эту опасность нельзя подстрелить из бамбады?

– Тогда я взорву её нитроболом. Или расстреляю из пушек... или закидаю ракетами, – Помпилио жёстко улыбнулся. – Я абсолютно в себе уверен, брат, и теперь хочу знать, почему ты решил об этом поговорить?

Дер Даген Тур догадывался почему. Но хотел услышать ответ от брата.

А дар торопиться не стал. Вновь отломил сыра, взглядом указал, что следует добавить в бокалы вина, а после того как Помпилио это сделал, негромко произнёс:

– Ты не хуже меня знаешь, что происходит в Герметиконе, какие неприятности доставляют Компания и галаниты. Игра в разгаре, брат, очень серьёзная политическая игра, результатом которой станет...

– Война.

– Война, – согласился дар. – И чем бы она ни закончилась – она изменит Герметикон. И вот поэтому ты мне очень, очень нужен, Помпилио. Живым, здоровым, умным, энергичным и верным. Ты нужен мне и, как бы пафосно это ни прозвучало, ты нужен Линге. У меня много друзей, ещё больше союзников, колоссальное количество подданных, но никому из них я не доверяю абсолютно. Как тебе. Ты – игрок, брат. Ты одной поездкой сплотил Верзи, похоронив надежды галанитов внести раскол в их Палату даров. Ты прекратил старинную вражду с Терданом и вытащил целое Скопление из-под влияния Компании. И это только начало. Я не могу тебя потерять, Помпилио.

– Мне очень приятно слышать эти слова, брат.

– Плевал я на твою приязнь, – буркнул дар. Но отнюдь не зло.

– Но ещё больше я рад тому, что это всего лишь минутная слабость, а не чёткая позиция.

– В смысле.

– Ты – мой дар, Антонию, – твёрдо ответил Помпилио. – И всё остальное сейчас неважно. Ты – мой дар, и ты имеешь полное право запретить мне принимать участие в экспедиции.

Несколько мгновений старший Кахлес молчал, тщательно обдумывая услышанное, затем усмехнулся:

– Удерживать тебя я не стану.

– И не нужно, – кивнул дер Даген Тур. – Я прекрасно понимаю, о чём ты говоришь, брат, понимаю твои резоны и опасения, но я должен отправиться в Туманность.

– Именно должен? – прищурился Антонию.

– Именно должен, – серьёзно подтвердил Помпилио. – Во-первых, все знают историю Тринадцатой Астрологической экспедиции, и если я раскрою тайну, мой авторитет укрепитя

многократно, что существенно поможет в тех делах, о которых ты только что говорил. В продолжении этих дел.

– Твой авторитет высок и не подвергается сомнению.

– Если получится у дер Жи-Ноэля, говорить будут только о нём. Я очень хорошо отношусь к адмиралу и не против того, чтобы он стал героем. Но не сейчас. К сожалению для него, сейчас я не могу себе этого позволить. Не ему – себе.

– Я тебя понимаю, – после короткой паузы, ответил дар.

– Вторая и главная причина, по которой я должен присоединиться к Девятнадцатой Астрологической экспедиции, заключается в том, что у меня есть абсолютно чёткое ощущение, что без меня они не справятся.

– Ощущение?

– Ты знаешь, что оно меня редко подводит. – Помпилио жестом попросил дара не прерывать его, помолчал и продолжил: – Я действительно хороший путешественник, брат, у меня великолепный цеппель и отличная команда, способная справиться с любой проблемой. Чтобы ни случилось в Туманности, они не запаникуют.

– С этим трудно спорить.

– Ещё труднее спорить с тем, что Туманность очень важна для Линги. Мы получим в своё распоряжение десять планет, и один Хеш знает, что мы на них обнаружим. Это укрепит наши позиции, а значит, я должен проследить, чтобы Экспедиция выполнила поставленные перед ней задачи. Я должен.

Несколько мгновений Антонио вертел в руке бокал, после чего сделал маленький глоток вина и кивнул:

– Хорошо.

– Хорошо? – Помпилио не ожидал, что брат так быстро сдастся.

– Хорошо, – повторил дар. – Я понял, что не сумею отговорить тебя и не собираюсь приказывать. Ты отправишься в Туманность, но тебе придётся принять мои условия.

– Звучит угрожающе.

– Не обсуждается, – жёстко произнёс старший Кахлес. – Ты их принимаешь как вассал.

Дер Даген Тур кивнул, едва заметно усмехнулся и спросил:

– Что за условия?

– Тебе понравится. – Антонио посмотрел на часы. – У меня не так много времени, так что, начиная с этого момента, ты просто слушаешь и киваешь.

– Излагай, – вздохнул Помпилио, разливая по бокалам вино.

– Но прежде чем ты услышишь условия, я хочу знать, собираешься ли ты рисковать и жизнью Киры тоже?

И дер Даген Тур вздрогнул, разлив на стол несколько красных капель.

* * *

– Так, с запасом продовольствия всё в порядке, – подвёл итог Дорофеев, проставляя последнюю «галочку». – Полный комплект.

– Как обычно, капитан, – поддакнул Бабарский, глядя на Дорофеева снизу вверх. – Насчёт поесть я никогда не забываю. Вы ведь знаете – у меня жуткая язва, требуется сложная диета, и благодаря мне, а точнее моему ужасному желудку, команда имеет возможность наслаждаться деликатесными диетическими продуктами.

В действительности разнообразие бортового меню обуславливалось исключительно капризами Помпилио, который хоть и был опытным путешественником, никогда не отказывал себе в удовольствии вкусно поесть. В результате офицеры «Амуша» питались как в лучших ресторанах Линги, да и нижние чины не жаловались.

Дорофеев всё это знал, но напоминать не стал, подписал ведомость и уточнил:

- Расчёт запасов?
- Месяц автономного, – тут же ответил ИХ.
- Отлично.

Несмотря на то что в составе Экспедиции числилось несколько грузовых цеппелей с массой разнообразных припасов, Дорофеев предпочитал держать на борту собственный запас продовольствия на случай непредвиденных обстоятельств. И вообще, собственный запас всего. За комплектацию отвечал суперкарго, и перед каждым путешествием они с капитаном тщательно изучали содержимое трюма.

И выглядело это достаточно комично, поскольку на фоне крепкого, хоть и не такого мощного, как Бедокур, Дорофеева Бабарский казался ещё нелепее обычного.

Рост его едва дотягивал до ста шестидесяти сантиметров, а сложением ИХ напоминал мячик – мягкий и круглый: круглый животик, обтянутый жилетом, круглое лицо – из-за круглых щёчек, нос картошкой, нос и маленькие губы бантиком. А завершали картину выбранного Бабарским образа длинные, до плеч, волосы, которые он зачёсывал назад.

Несмотря на офицерскую должность, одеваться суперкарго предпочитал в дорожный костюм, достаточно дорогой, но неброский – он ценил удобство, но сделал так, чтобы лишь опытный взгляд смог определить, что одежда сшита на заказ, а не приобретена в магазине готового платья. И всегда таскал наплечную сумку, подобно фокуснику извлекая из неё необходимые предметы.

Сейчас, к примеру, он достал из сумки – почему-то из сумки, а не из кармана пиджака, – носовой платок, шумно высморкался, не забыв пожаловаться на «проклятую пыльцу», и предложил:

- Можем перейти к осмотру следующего отсека.
- А что за ящики с «колониальными товарами»? – поинтересовался Дорофеев, не спеша выходить из помещения, которое предложил покинуть ИХ.
- Как обычно, – ответил суперкарго.
- Ничего запрещённого?
- Вы ведь знаете мои принципы.
- Поэтому и спрашиваю.

Бабарский сделал вид, что обиделся. Капитан сделал вид, что не прочь его повесить. Оба понимали, что до виселицы дело не дойдёт, а вот до взыскания – запросто, и суперкарго сдался:

- Ножи.
- Ножи? – переспросил Дорофеев.
- Обычный товар для неизвестных планет, – пожал плечами Бабарский. – Как показывает опыт, если новая планета оказывается обитаемой, в большинстве случаев местное общество изрядно отстаёт от нас в развитии. Поэтому самым ходовым товаром становятся бытовые: ножницы, ножи из современной стали, спички...
- А если мы не обнаружим в Туманности поселений? – хладнокровно спросил Дорофеев.
- Значит, ножи просто так прокатятся на неизвестную планету, – с не меньшим хладнокровием ответил ИХ.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, после чего капитан сдался:

- Значит, ты берёшь с собой десять ящиков ножей?
- Четыре.
- Здесь написано, что у тебя десять ящиков «колониальных товаров».
- Как показывает опыт...
- Что в оставшихся шести?
- Как показывает опыт, на втором месте после бытовых мелочей стоит крепкий алкоголь.
- У тебя шесть ящиков бедовки?

– Самой лучшей, – подтвердил Бабарский. – Люди, которых мы там встретим, слишком долго жили вне благ цивилизации...

– Я всё понял, – оборвал его Дорофеев. После чего поставил очередную галочку и распорядился: – Идём в следующий отсек.

– С удовольствием, капитан.

– Кстати, ты не видел Галилея?

– И ещё тысячу лет не хочу видеть, – сварливо ответил ИХ. – Я разве не рассказывал, что он заразил меня вывихом лодыжки?

– Вывихом лодыжки нельзя заразиться.

– Это в обычном случае...

///

Герметикон – это небо.

А цеппели его основа... Не неба, конечно, а Герметикона, стихия которого небо. И цеппели, вопреки распространённому мнению, по небу не ходят – они в нём живут, и они им живут, не видя себя, огромных и неповоротливых, где-нибудь, кроме неба. Цеппели – его часть, придуманная для не умеющих летать людей. Придуманная неумеющими летать людьми.

И цеппелей много... не количеством, хотя количество цеппелей огромно и не поддаётся учёту – в Герметиконе много разных цеппелей, созданных для разных задач и разных работ. Тяжёлые и лёгкие крейсера, с пушками и пулемётами, способные навести страх на пехоту и моряков; грузовики-камионы, от средних до гигантских тяжеловозов, способных, кажется, поднять и увезти на другую планету целый город; пассажеры – блестящие лайнеры для богачей и третий класс для людей попроще; битком набитые колониальные суда; безумно дорогие яхты, владельцы которых соревновались в красоте и роскоши; работающие «купцы», снующие по планетам Пограничья... но почему-то особенной любовью публики пользовались исследовательские рейдеры. Не самые надёжные, не самые вооружённые, но быстрые, отважно идущие впереди всех по вновь открытым планетам. Рейдеры приходили первыми, без усталости исследовали, изучали и возвращались домой с победой. Или не возвращались, и тогда их обломки находили удачливые последователи, а погибшие разведчики уходили в легенды.

Стать капитаном исследовательского рейдера было мечтой многих мальчишек, но только... не маленького Базы Дорофеева, который всегда мечтал о военной карьере. Его первым кораблём стал импакто, затем, доминатор. Кажется, жизнь развивалась в точном соответствии с мечтами, но судьба посмеялась над Дорофеевым и распорядилась так, что командовал он не военными кораблями, а пиратскими.

База считался самым перспективным адмиралом, в знаменитой битве за Бреннан проявил себя наилучшим образом, отчаянно сражаясь с превосходящими силами, проиграл, но на виселице не оказался: Помпилио предложил знаменитому пирату возглавить «Пытливый амуш», а когда Дорофеев согласился – попросил брата о помиловании.

С тех пор они не расставались.

Внешне Дорофеев был типичным верзыйцем: густые каштановые волосы и крупное, грубоватое лицо с широкими скулами и квадратным подбородком. Особой приметой был старый, полученный на Бреннана шрам, тянущийся от лба до подбородка и чудом не уничтоживший левый глаз.

И ещё он был единственным человеком во всём Герметиконе, которому Помпилио Чезаре Фаха Мария Кристиан дер Даген Тур дер Малино и Куэно дер Салоно говорил «вы». Никто больше подобной чести не удостоивался.

– Бедокур! – Дорофеев огляделся, подумал и что-то пнул. – Чира!

– Капитан!

Чира Бедокур был местным, то есть не просто лингийцем, а уроженцем Даген Тура, можно сказать земляком мессера, и потому с офицерами «Амуша» вёл себя более чем свободно. Но только не с Дорофеевым. Во-первых, прошлое капитана отбивало всякую охоту с ним связываться. Причём даже у шального Чиры. Во-вторых, мессер говорил Дорофееву «вы», что поднимало капитана на такую высоту, на которую, в представлении Бедокура, мало кто мог забраться. Ну, разве что какой-нибудь дар. И то вряд ли. Поэтому шифбетрибсмейстер к Баззе относился почти с таким же почитанием, как к Помпилио, и никогда не позволял себе лишнего.

– Докладывай.

– Технические службы к походу готовы.

На этом разговор можно было заканчивать, поскольку Дорофеев, в свою очередь, прекрасно знал, что Чира слов на ветер не бросает и, если бы существовали проблемы, он бы обязательно о них поведал.

– Как новые двигатели?

– До сих пор под впечатлением, – не стал скрывать Бедокур. – При том же потреблении электричества они дают большую мощность. А учитывая, что мы укрепили конструкцию, «Амуш» сумеет развить скорость намного больше ста лиг в час.

– Насколько больше?

– Узнаем на испытаниях, – пожал плечами Бедокур.

– Через несколько дней мы идём в поход.

– Значит, узнаем в походе, – жизнерадостно рассмеялся Чира. – В полевых условиях.

В последнем бою «Пытливый амуш» получил такие повреждения, что ремонт затянулся на несколько месяцев, но результат превзошёл ожидания: рейдер получил новые тяговые двигатели, систему управления и новое оружие. Стал и надёжнее, и быстрее, чем прежде.

– Хорошо, Бедокур, я доволен.

– Да, капитан.

– Каково состояние ракетной площадки?

– В идеальном порядке, капитан. Поднимемся?

Учитывая, что речь шла о «макушке» цеппеля, добраться до которой можно было лишь по лестнице, Дорофеев отклонил предложение шифбетрибсмейстера:

– Поверю на слово. – И поставил очередную галочку. – Ты не знаешь, куда запропастился Галилей?

– Полагаю, строит козни, – поразмыслив, ответил Чира. – Я давно говорил, что из-за своей чёрной ауры он должен обязательно носить предохраняющий амулет Диковинного Улюка с планеты Свит, поскольку...

– Я понял: не знаешь.

– Подумайте насчёт амулета, капитан, поверьте – он работает.

– Как двигатель?

– Лучше, потому что не требуется электричество.

///

Своего старшего помощника Дорофеев, как и рассчитывал, обнаружил у одной из носовых пушек. Официально за состояние оружейных систем «Пытливого амуша» отвечал Бедокур, но Помпилио распорядился передать Крачину всю боевую часть, а не только подготовку и руководство абордажной командой, что и было сделано. А поскольку Аксель был человеком ответственным – другие у дер Даген Тура попросту не задерживались, – тренировки огневых расчётов участились и стали весьма жёсткими.

Однако сейчас Крачин пребывал в оружейном отсеке в одиночестве – проверял состояние системы и с радостью поприветствовал Дорофеева.

– Капитан.

– Аксель. – Они говорили друг другу «ты», оставляя официальную манеру для официальных обстоятельств. – Что-то не так?

– Вчера доставили новую оптику, я приказал Бедокуру установить её, зашёл проверить.

Они оба понимали, что, если Чира получил приказ – он его исполнит, но должны были лично убедиться, что всё сделано.

– Оптика совсем новая? – Базза внимательно оглядел только что установленный прицел.

– Та же модель, но усовершенствованная, – ответил Крачин. – Одной тренировки будет достаточно, чтобы номера научились правильно ею пользоваться. Тренировку проведу в пути.

– Прекрасно. – Дорофеев помолчал. – Оружейная комната?

– Я здесь закончил, можно пройти, посмотреть.

– Пройдём... – Было видно, что Базза слегка смущён, что случилось с ним крайне редко. – Аксель, я хочу поговорить о вашей поездке в Челлингрид... точнее, о вашем возвращении оттуда...

И замолчал, явно ожидая, что старший помощник поддержит тему. Крачин же лишь улыбнулся.

– Я слышал, тебе пришлось заплатить... гм... небольшой штраф?

– Весьма умеренный.

– Бабарский доложил об обстоятельствах дела – и я очень рад, что ты принял именно такое решение, Аксель.

– Это был самый логичный выход из создавшегося положения, – негромко ответил Крачин.

Став свидетелем вопиющего преступления, синьор начальник полиции немедленно арестовал употребившего вихель Крачина и помчался к борту – ругаться с коллегами из Челлингрида. Не забыв повторно предупредить вахмистра, чтобы тот не позволял капитану парома останавливаться. Препирательства продолжались до тех пор, пока на горизонте не появилась колокольня собора Доброго Маркуса, на основании чего Южир заявил коллегам, что они находятся на его территории. В ответ услышал много интересного, включая жестокое пожелание больше не появляться в весёлом Челлингриде, но выслушал угрозу стоически, продемонстрировав настоящее лингийское мужество. И своих не сдал.

Но по прибытии в Даген Тур потащил Крачина в суд, где Аксель и получил штраф.

– Из-за чего возникло недоразумение?

– Даю слово: мы не виноваты. Хозяин заведения оказался неприличным человеком и подал жалобу, несмотря на то что мы уладили все разногласия и даже доплатили за беспокойство.

– Хорошо... – Дорофеев почесал кончик носа. – Кстати, ты не видел Галилея?

– В астринге его нет?

– Не нашёл.

– Иногда он забирается на крышу эллинга, – припомнил Крачин.

– Я посылал людей – его там нет.

– Тогда не знаю.

///

И никто не знал, поскольку, если Галилей не хотел, чтобы его нашли – отыскать его никто не мог. Нижние чины шептались, что астролог умеет уходить в Пустоту, но Дорофеев в это не верил. И хотя иногда предательские мысли проскальзывали – гнал их. Базза подозре-

вал, что Бабарский поделился с Квадригой некоторыми потайными помещениями, созданными на «Амуше» для всякой контрабанды, однако уточнять детали не стал, оставив и астрологу, и суперкарго определённую свободу манёвра. В том числе и потому, что относился к астрологу так же, как все нормальные цепари Герметикона, и считал, что, если Галилею нужно побыть в одиночестве – он может прятаться столько, сколько хочет. Благо он всегда появлялся. И появлялся вовремя.

Так получилось и на этот раз.

Заканчивая обход «Амуша», Дорофеев спустился на нижнюю, техническую палубу гондолы – без особой цели, просто окинуть взглядом и убедиться, что на ней всё в порядке, и обнаружил Галилея в «корзине грешника». Астролог откинул брезентовый полог, забрался внутрь и курил трубку, нарушая все существующие правила пожарной безопасности. Будь на палубе кто-нибудь ещё, Квадрига получил бы грандиозную «вставку», но цепарей поблизости не оказалось, и Дорофеев просто облокотился на корзину и вопросительно посмотрел на астролога. Тот вздохнул, вытащил трубку и выколотил её в металлический ящик, заменивший ему пепельницу.

Ему было тридцать пять, однако выглядел Галилей... Выглядел он странно: с одной стороны явно моложе своего возраста, относясь к тому типу мужчин, которые до самой старости продолжают казаться юными; с другой – общеизвестная необходимость потребления всевозможных веществ не могла не отразиться на Квадриге, так что выглядел он молодо, но потасканно. У него было узкое лицо, большие тёмно-серые глаза и слегка оттопыренные уши. Волосы русые, короткие, плотно лежащие на голове, подбородок прикрыт короткой бородкой. Могучим телосложением Галилей не отличался: невысокий, узкоплечий, вялый... Он казался болезненным не только с лица, но и жестами. Другими словами типичный астролог.

Хотя...

Трудно назвать типичным единственного оставшегося в живых участника Тринадцатой Астрологической экспедиции.

Очень трудно.

– Всё в порядке? – негромко спросил капитан.

– Частично, – ответил Квадрига, избегая смотреть Баззе в глаза.

– Что не так?

– Мне... – Галилей повертел в руке трубку, но набивать её при капитане постеснялся. Повертел, помолчал и ответил: – Мне снятся сны, которые я не помню. Сны о том, что я не помню. Снятся с тех пор, как мессер принял решение идти в Туманность Берга.

– И? – спросил Дорофеев примерно через минуту, поняв, что Квадрига задумался и не собирается продолжать.

– И я их боюсь, – ответил Галилей. Выпрыгнул из корзины, расправил плечи, кое-как изобразив стойку «смирно», и доложил: – Астрологическая служба к походу готова, капитан, готова на сто процентов, будь я проклят.

* * *

Когда-то давно эта комната была...

Впрочем, Помпилио уже не помнил, для чего «когда-то давно» предназначалась эта большая, занимающая весь этаж комната. Скорее всего, служила гостевой спальней. Или особой гостиной. Или курительной. Последнее, пожалуй, совсем сомнительно... Как бы там ни было, Помпилио не помнил, для чего комната предназначалась раньше, поскольку нечасто забирался на эту башню – вторую по высоте в замке и стоящую ближе всех к озеру. Однако с абсолютной точностью помнил, почему распорядился подготовить для невесты именно эту комнату – из её бесчисленных, идущих по всему периметру окон, и особенно с опоясывающей башню

террасы, открывался потрясающий вид: на Даген Тур, озеро и долину. И Помпилио захотел, чтобы Кира с первого мгновения пребывания на Линге видела свои владения во всей красе. И расчёт оправдался: красивейший пейзаж помог пережившей две страшные потери и покинувшей родную планету девушке успокоиться, прийти в себя, а потом – полюбить Даген Тур так же сильно, как тысячу лет любили его Кахлеса.

И не только Даген Тур.

Почти год после свадьбы они с Помпилио жили порознь. Не «каждый своей жизнью», но не вместе, считались мужем и женой, не являясь таковыми, не выходили в свет, давая многочисленным кумушкам повод для досужих домыслов, но при этом имея железобетонные основания для подобного поведения: тяжёлые утраты, понесённые ими на Кардонии, где Помпилио потерял невесту, а Кира – отца и жениха. К тому же дер Даген Тур был увлечён мексикой, методично истребляя всех, кто был так или иначе причастен к смерти невесты, часто отлучался и едва не погиб, добираясь до Огнедела, непосредственного убийцы Лириан дер Саандер и её мужа. В том путешествии опасность грозила ему много раз, но в момент, когда казалось, что спасения нет, на помощь Помпилио пришла Кира.

И с тех пор их отношения изменились.

Они стали вместе по-настоящему.

Но Кира наотрез отказалась покидать полюбившуюся комнату, и Помпилио перебрался в башню, в которую до сих пор почти не навещался. И бывшая гостевая... или курительная... или гостиная... стала их спальней.

– Вина? – негромко спросил Помпилио, услышав, что дыхание жены выровнялось.

Кира приподнялась на локте и поцеловала мужа в щёку.

Вместо тысячи слов.

– Это значит «да»?

– Да... – Она вновь упала на спину и потянулась. Довольная. Довольная настолько, что дер Даген Туру захотелось рассмеяться.

Он улыбнулся, поднялся с кровати, наполнил бокалы холодным белым, повернулся и замер, любясь женой.

В свои двадцать пять Кира обладала чудесной женственной, но при этом подтянутой, спортивной фигурой. Волосы у неё были рыжие, длинные и очень густые, лицо узкое, носик маленький, чуть вздёрнутый, а в больших карих глазах то и дело вспыхивали золотые искорки. Рот, правда, был чуть великоват, но он ничуть её не портил.

Кира знала, что Помпилио с удовольствием любит её, и чуть повернувшись, позволяя мужу насладиться собой в полной мере.

– Прекрасна... – пробормотал дер Даген Тур.

Кира улыбнулась. А когда муж вернулся на кровать, взяла у него бокал и сделала большой глоток.

– Очень кстати.

– Согласен. – Помпилио повертел бокал в руке, после чего прикоснулся к жене и тихо спросил: – Ты не передумала?

– Ты ведь знаешь, что не передумаю, – ответила рыжая, глядя мужу в глаза.

– Знаю, что ты упрямая.

– Нет, – качнула головой Кира. – Не в этом дело...

– В туманности опасно, – мягко прервал жену Помпилио.

– Опаснее, чем на Тердане?

– На Тердане мы просто побывали.

– Хорошо, на Круне.

– Думаю, опаснее, – серьёзно произнёс дер Даген Тур. – На Круне было опасно, однако мы знали, чего можно ожидать, и были готовы. Новые планеты непредсказуемы.

– Разве ты не готов к неприятностям?

– Всегда готов.

– Я знаю, я в тебе уверена, Помпилио, и не понимаю, для чего ты задал свой вопрос. Причём не в первый раз.

– Потому что боюсь за тебя, – ответил дер Даген Тур, пригубивая вино. – И не прощу себе, если с тобой что-нибудь случится.

– И я не прощу себе, если с тобой что-нибудь случится, а меня не будет рядом, – негромко, но очень твёрдо сказала Кира. – Я понимаю, что ты за меня боишься, что будешь меня опекать и оберегать, мне очень важна твоя забота, но мы... Мы вместе, любимый, а значит, куда ты – туда и я. И так будет...

– ...всегда, – закончил за жену Помпилио.

– Ты знал, кого брал в жёны.

– Я не ошибся.

Несколько мгновений Кира молча смотрела мужу в глаза, после чего продолжила:

– Что бы ни случилось в Туманности – это случится с нами. А вместе мы преодолеем что угодно, когда мы вдвоём – нам ничего не страшно. Мы это уже знаем.

Продолжать спор не имело смысла. Бокалы соприкоснулись, издав мелодичный звон, супруги сделали по глотку вина, и дер Даген Тур сообщил:

– Мы улетаем послезавтра.

– Будем куда-нибудь заходить по дороге?

– Нет, прямой курс на Пелеранию, где соединимся с Девятнадцатой Астрологической и... и идём в Туманность.

– Мы допрыгнем? – очень спокойно спросила Кира. Она не была столь опытным цепарём, как Помпилио, но знала официальное мнение Астрологического флота: расстояние до ближайшей планеты Туманности Берга превышает возможности астрингов.

– Антонио рассказал, что дер Жи-Ноэль отыскал путь.

У Киры вспыхнули глаза:

– Отлично! – Пауза. – Если, конечно, он не ошибается.

– Адмирал понимает, что на кону его репутация и его будущее, – с лёгкой улыбкой произнёс дер Даген Тур. – Дер Жи-Ноэль умный, по-хорошему осторожный и очень внимательный цепарь. Если он сказал, что нашёл путь, значит, дорога в Туманность действительно существует. Её не может не быть, потому что Тринадцатая прыгнула, а прыгать в Пустоту дер Ман-Дабер не стал бы. Он тоже был хорошим цепарём.

– Разведчики уже прыгнули?

– Разведки не будет.

– Не будет?

– Принято решение обойтись без разведки.

– Разве это не опасно?

– В послании, которое получил Антонио, мотивы принятого решения не объяснялись, но это неважно: Астрологический флот считает риск оправданным, дер Жи-Ноэль считает риск оправданным, и раз решение принято, основания есть.

– Ты доверяешь адмиралу?

– Я обязан ему доверять, ведь в ближайшее время я буду в его подчинении.

Кира прищурилась.

– Да, мы должны это обсудить, – мягко произнёс Помпилио. – В составе Экспедиции не будет ни одного человека, превосходящего или хотя бы равного мне по происхождению, но это ничего не значит. В походе будет действовать жёсткая субординация и я, как командор Астрологического флота, буду находиться в полном подчинении адмирала. И он не обязан и не будет говорить мне «мессер».

– Даже так?

– Даже так.

– Не скрою: ты меня удивил. – Рыжая сделала малюсенький глоток вина. – Не в первый раз, конечно, но сейчас – сильно.

– Это служба, Кира. – Дер Даген Тур огляделся, отыскал блюдо с фруктами и взял кусочек персика. – Как ты знаешь, я имею патент офицера Лингийского Воздушного флота, а на время пребывания в составе Астрологического флота испросил отпуск. Так вот, когда я надеваю мундир, неважно какой, я становлюсь обыкновенным офицером. Таков порядок, и я буду его придерживаться.

– Я знаю, что таков порядок. Я удивлена тем, что ты его придерживаешься.

– Таков закон военной службы на Линге: если хочешь получать уважение в соответствии с происхождением – строй карьеру и становись высшим офицером.

– А какой у тебя чин в Лингийском флоте?

Помпилио хитро улыбнулся.

– Неужели командор?

– Флаг-адмирал.

Младший из четырёх высших чинов, но уже имеющий право на собственный штандарт.

– Не удивлена. – Она не хотела, чтобы намёк прозвучал, но он был услышан: намёк на высочайшее происхождение Помпилио, которое могло помочь ему с получением весьма высокого звания.

– Я имею право на самостоятельное командование лёгкой эскадрой, – негромко рассказал дер Даген Тур. – И получил погоны после Бреннана, на котором командовал лёгкой эскадрой.

Рыжая порозовела.

– Я не должна была шутить.

– От стереотипов трудно избавиться. В республиканских мирах считается, что наша армия комплектуется по принципу знатности, но, будь это так, с нами не боялись бы связываться. А нас бояться. – Помпилио улыбнулся. – У меня было только одно преимущество: когда адмирал дер Ушдукар выбирал, кому из офицеров подходящего ранга поручить командование эскадрой, он вспомнил, как качал меня на коленях, и назначение состоялось. Я выполнил все поставленные командованием задачи, не потеряв ни одного корабля... Моя эскадра оказалась единственной из всего флота, которая не потеряла ни одного корабля. И самое малое число погибших – двенадцать человек.

– Извини.

– Тебе не за что извиняться. – Он мягко прикоснулся к плечу жены. – Я рассказал... Я рассказал не чтобы похвастаться, Кира, а чтобы ты была спокойна: при необходимости я смогу возглавить Экспедицию.

* * *

Самым большим флотом, который когда-либо собирали адигены, была и ещё долго останется Объединённая Армада вторжения на Бреннан, призванная раз и навсегда решить проблему пиратства в Герметиконе. Разгром преступному флоту был учинён полнейший, и хотя пиратство как явление искоренить не удалось, все понимали, что такого размаха, как во времена Бреннана, оно уже никогда не достигнет. Следующим по размеру флотом считается Миротворческая Миссия на Кардонию, в которую входило свыше ста вымпелов, сумевших одним своим появлением остановить бушевавшую на планете войну. Периодически военные проводили воздушные парады, но в них редко принимало участие больше тридцати кораблей, а манёвры рассматривать не имеет смысла, поскольку они всегда проводились вдали от публики. Вот и получается, что самыми большими эскадрами, которые могли относительно часто

наблюдать простые люди, оставались экспедиции Астрологического флота, состоящие минимум из девяти вымпелов.

– Смирно! Адмирал на мостике!

Услышав зычный голос, все находящиеся в рубке управления – за исключением рулевого – вытянулись, но почти сразу расслабились, услышав негромкое:

– Вольно.

Дер Жи-Ноэль коротко кивнул, разом приветствуя всех, пожал руку капитану дер Ферту и прошёл к лобовому окну.

– Всё в порядке?

– Без происшествий, мой адмирал.

– Хорошо. – Дер Жи-Ноэль заложил руки за спину и медленно, словно впервые, оглядел идущие походным порядком вымпелы. Флагман Экспедиции – доминатор «дер Атродиус», названный в честь знаменитого исследователя прошлого столетия – двигался последним, в стороне и чуть выше строя, поэтому дер Жи-Ноэль видел всю эскадру.

Огромную эскадру.

Учитывая важность и опасность предстоящего путешествия, Девятнадцатая экспедиция была укомплектована сверхштатно и состояла из восемнадцати вымпелов, пятнадцать из которых сейчас приближались к точке перехода на Пелеранию. Целых пятнадцать! Девять основных цеппелей, принадлежащих Астрологическому флоту и составляющие классическую исследовательскую эскадру: два доминатора – «дер Атродиус» и «Командор Треге», тяжёлые крейсеры с частично снятым вооружением, но всё равно остающиеся грозными противниками в бою. Два научных судна – «Эл Шидун» и «Академик Жу», построенные по схеме импакто и битком набитые лабораториями и специалистами, способными изучить и описать любую планету. Два исследовательских рейдера – «Быстрый крач» и «Скучный тили», с тех пор как «Пытливый амуш» прославился на весь Герметикон, рейдерам стали присваивать такие же забавные имена, как кораблю Помпилио. А замыкали строй три камиона, несущие гигантские грузовые платформы с экспедиционным снаряжением.

Девятнадцатая Астрологическая экспедиция была укомплектована идеально, но поскольку богатые лингийцы были крайне заинтересованы в успехе предприятия и жаждали как можно скорее присоединить Туманность к Лингийскому союзу, они не поскупились на поддержку, и дер Жи-Ноэль получил в своё распоряжение ещё три грузовика с «самым необходимым», два исследовательских рейдера и лёгкий крейсер «Стремительный» со взводом знаменитых лингийских егерей на борту. Как скромно уточнили лингийцы – «На всякий случай». Все прекрасно понимали, что на неисследованных планетах опытные военные лишними точно не будут. И флаг Лингийского союза будет выглядеть намного внушительнее, если около него встанут улыбающиеся пехотинцы в полной боевой выкладке. А над ним – крейсер с открытыми орудийными портами. Благодаря таким фотографиям заинтересованные стороны сразу и весьма отчётливо понимали, что на планету не просто претендуют – она уже занята.

Ну а «вишенкой на торте» станут «Пытливый амуш» и «Дрезе» с паровингом под пузом, которые должны были присоединиться к экспедиции на Пелерании.

И по числу вымпелов получалось так, что дер Жи-Ноэль возглавлял не экспедицию, а небольшой флот. Укомплектованный опытными цепарями, бывалыми военными и готовый преодолеть любые препятствия.

– Когда мы прибудем в точку перехода? – поинтересовался адмирал.

– Через четверть часа.

– Она открыта?

– Так точно.

– Мне нужна связь с вымпелами.

Капитан кивнул вестовому, тот вызвал радиста, и меньше чем через минуту командующий поднёс к губам микрофон.

– Внимание всем! Говорит адмирал дер Жи-Ноэль. Экспедиция приближается к точке перехода на Пелеранию. Капитанам доложить о готовности к прыжку в соответствии с расположением в строю.

То есть, начиная с возглавляющего строй доминатора «Треге», которому предстояло первым совершить межзвёздный переход. И его капитан бодрым голосом сообщил:

– Говорит капитан дер Эсто, доминатор «Командор Треге» начинает плановую подготовку к переходу.

– Принято, «Командор Треге», приказываю совершить переход без дополнительной команды.

– Принято.

– Остальным капитанам: дистанция между прыжками – четыре минуты. Выходить на переход без дополнительной команды. – Адмирал выдержал паузу. – Продолжить доклады.

И замолчал, слушая чёткие сообщения подчинённых и внимательно наблюдая за остановившимся в точке перехода «Треге», точнее, за тем, как над ним готовится распахнуться «окно» в величественную Пустоту...

Глава 2

...в которой Помпилио определяет судьбу планеты и выказывает отношение к человеческой глупости, Кира чувствует себя удовлетворённой, капитан Капурчик выслушивает разное, на «Пытливом амуше» появляется необычный офицер, а Галилей предпринимает последнюю попытку избежать неизбежного

Расширение Герметикона шло от Ожерелья, и чем дальше к Пограничью, тем беднее становились планеты. Ну, если, конечно, на них не находилось что-нибудь интересное для экспорта: золото, редкие металлы, особая древесина... Что угодно, способное заинтересовать торговые корпорации и обеспечить молодому миру поток инвестиций. В обычном же случае планеты постепенно населялись колонистами, которые делили землю и создавали первые поселения, которым только предстояло превратиться в города – через много-много лет. Поэтому никого не удивило, что Искеполис, сферопорт Пелерании, представлял из себя весьма небольшой населённый пункт, обладающий всего тремя каменными зданиями: собственно портом, собором Доброго Маркуса – подавляющее большинство колонистов прибыло с Линги и чтит покровителя материнской планеты, – и роскошным Лингийским Кредитным банком, который монопольно вёл финансовые дела на Пелерании. Все остальные дома были выстроены из дерева, благо недостатка в нём планета не испытывала. А ещё Пелерания славилась особой породой коров, и предприимчивый Бабарский уговорил Помпилио пополнить продовольственные припасы на ней: и дёшево, и качественно.

Однако на Пелерании дер Даген Тур поджидала не только говядина.

Известие о том, что Астрологический флот решил продолжить исследование Туманности Берга, взбудоражило обитателей молодого мира, почувствовавших возможность стать не просто одной из пограничных планет, но важнейшей узловой точкой на пути к десятку новых миров. Известие о том, что в экспедиции принимает участие сам дер Даген Тур, взбудоражило не только простолюдинов, но и властителей планеты, поэтому в сферопорт прибыли все три пелеранийских дара, организовавших для офицеров Астрологического флота – а если быть откровенным – для Помпилио – пышный приём. Поскольку близкое знакомство с представителем рода Кахлес открывало перед небогатой планетой весьма серьёзные перспективы.

И поначалу всё шло хорошо.

Ввиду отсутствия в Искеполисе достаточно большого помещения, торжественный приём устроили в виде пикника. Столы разместили в шатрах – на случай дождя, для танцев соорудили деревянную площадку – скромная демонстрация небогатых пока возможностей небогатой пока планеты. А перед пиром организовали для дорогих гостей знаменитое местное развлечение: бычьи бои – агрессивные и мощные звери охотно сражались друг с другом на потеху невзыскательной публики.

Нельзя сказать, что Помпилио, и тем более Кира, пришли в восторг от предложенной программы, но альтернативой была недельная охота в заповедных лесах, а на это дер Даген Тур точно пойти не мог.

Невнимательно ознакомившись с основным развлечением, Помпилио и старшие офицеры Экспедиции переместились в шатры, смешавшись за столами с пелеранийскими дарами и их свитой. Танцы обещали ближе к вечеру, а пока гостям предложили отпробовать изыски местной кухни и, разумеется, лучшее местное вино, которое постепенно развязывало языки

и делало вечер... расслабленным. Пограничные миры просты, жизнь на них трудна даже для владетелей, и пелеранийские дары, при всём своём положении, не отличались утончёнными манерами.

Хотя очень старались вести себя светски.

А поскольку пикник устроили на живописном берегу озера Эйс, с которого открывался превосходный вид на причал, местные не могли не упомянуть в разговоре крылатую лодку Киры.

– Ваш аэроплан? – поинтересовался дар Петер Окуричи.

Рыжая не сомневалась, что адигену прекрасно известно настоящее название машины, но всё равно ответила:

– Паровинг.

– Чем он отличается от аэроплана? Только тем, что садится на воду?

– Паровинги намного больше и тяжелее, – спокойно рассказала Кира. – В них используются кузель и электрические тяговые двигатели, как в цепелях, а не двигатели внутреннего сгорания на нефти, как в аэропланах, поэтому паровинги летают дальше и могут пробыть в воздухе намного дольше.

– То есть вы планируете исследовать новую планету на паровинге? – включился в разговор дар Александр Шиде.

– Совершенно верно, – подтвердила Кира. Она увлеклась разговором, который наконец-то отошёл от скучных политических тем и бессмысленных светских сплетен, и отвечала пространно и с большой охотой. – Специалисты Астрологического флота тщательно изучили кардонийские паровинги, признали их применение перспективным, и я горда тем, что стану первым пилотом паровинга, которому доверено войти в состав Астрологической экспедиции. Уверена, что сумею доказать их полезность для исследований.

– Не сомневаюсь, дорогая, – улыбнулся Помпилио.

– Спасибо, дорогой.

Кира поправила волосы и легко, одним коротким, быстрым жестом, коснулась руки мужа. Быстрым и почти незаметным жестом. За спиной Киры осталось достаточно раутов, встреч и приёмов, чтобы считать её светский опыт более чем серьёзным, но до сих пор иногда терялась, оказываясь в центре внимания. И если в мирах Ожерелья уже свыклись с тем, что блестящий Помпилио остановил свой выбор на простолюдинке из республиканского мира, то провинциальные адигены продолжали смотреть на неё, как на диковинку.

Или как на выскочку.

Показной интерес дара Окуричи и внимание, которое он оказывал адиге дер Даген Тур, не могли остаться незамеченными, поэтому дар Александр не спешил выходить из разговора:

– Как ты считаешь, кузен, Экспедиция добьётся успеха?

– Насколько я знаю, адмирал дер Жи-Ноэль настроен весьма решительно, – дипломатично ответил Помпилио.

– Вы проложите устойчивый путь в Туманность?

– Рассчитываем на это.

– А как же Тринадцатая? – резко спросил дар Петер. – Не смущает?

Однако смотрел он при этом на Киру, что являлось демонстративным нарушением этикета. Или же открытой демонстрацией положения дара – ведь Помпилио, несмотря на происхождение, даром не был.

– Меня никогда ничего не смущает, – очень спокойной произнёс дер Даген Тур, глядя на дара Александра. То есть зеркально ответив на дерзость Окуричи. – Иногда – раздражает, но не сейчас.

– Ты веришь в успех? – продолжил давить дар Петер. Как твой адмирал?

При этом он отчётливо выделил голосом слово «твой».

- Без веры в успех я бы остался дома.
- Ты ездишь только в те экспедиции, успех которых гарантирован?
- Раз я отправляюсь, значит, успех гарантирован, – уточнил дер Даген Тур.
- Хорошо сказано, – одобрил дар Александр, бросив на Окуричи выразительный взгляд.

Однако дар Петер не унимался.

- Успех... Несмотря ни на что?
- Вопреки всему.
- Вопреки?
- Любая экспедиция на неосвоенные планеты случается вопреки обстоятельствам, – объяснил Помпилио, наконец-то переведя взгляд на дара Петера. – Бывают природные, бывают... другие.
- И что ты ожидаешь встретить в Туманности?
- Неважно, чего я ожидаю. Главное, что я ко всему готов.
- Прекрасный ответ.
- Я ими славлюсь.
- Ответами?
- Да, – коротко ответил дер Даген Тур. – Я всегда отвечаю.

На этих словах дар Александр Шиде вздрогнул, несмотря на то что произнесены они были тягуче, очень спокойным, расслабленным тоном. Дар Шиде вздрогнул и бросил на Помпилио быстрый взгляд. А дар Окуричи не среагировал на тон ответа и линию поведения не изменил.

- А вы... адира... тоже ко всему готовы?

Пауза, обрамившая обращение, и поднятая бровь на слове «готовы» могли стать поводом для дуэли. И все, сидящие за небольшим «дарским» столом, насторожились. Причём даже те, кто не слышал ни слова – среагировали на расширившиеся глаза дара Шиде.

А вот Помпилио продолжал сохранять абсолютное спокойствие. Лишь на губах заиграла легчайшая, едва угадываемая улыбка... которую ничего не знающий о дер Даген Туре человек мог бы счесть дружелюбной.

- Я уверена в своём супруге, – ровным голосом ответила рыжая.
- Полностью? – громко уточнил дар Петер.
- Чуть более чем полностью.
- Не могу поверить, что слышу такие слова: и уверена, и на всё готова... Подарите мне танец?

На деревянном подиуме как раз появились первые пары, но это не имело значения. Значение имело только то, что дар Окуричи обратился непосредственно к Кире, а не к сидящему рядом с ней Помпилио. Значение имели слова, произнесённые перед приглашением.

– Это будет моя первая экспедиция на только что открытую планету, и я немного волнуюсь, – произнесла Кира, словно продолжая отвечать на вопрос. – К счастью, мой супруг всегда знает, что нужно делать.

Рыжая смотрела на Помпилио, только на него, абсолютно игнорируя ожидающего ответа – хоть какого-нибудь ответа, – дара Петера, и по глазам супруга поняла, что поступила абсолютно правильно.

– Неосвоенные планеты отличаются от освоенных только отсутствием некоторых привычных удобств, – улыбнулся дер Даген Тур, глядя жене в глаза. – И разных мелких деталей...

- Шумных?
- Надоедливых... но не стоящих внимания.
- Совершенно с тобой согласна. – Кира перевела взгляд на дара Александра. – А вы?

Тишина за столиком стала настолько плотной, что об неё можно было разбиться. И некоторые уже поняли, что кое-кто уже разбился.

Дара Окуричи публично, у всех на глазах, исключили из разговора. Потому что надоел и перестал заслуживать внимания. Дар. Один из трёх высших адигенов планеты. Надоел. И все это увидели.

Красный как рак, Окуричи несколько секунд сидел с раскрытым ртом, глядя на отвернувшуюся Киру, как школьник на поставившую «двойку» учительницу, и только он собрался что-то сказать, скорее всего, столь же необдуманное, как раньше, как дар Александр громко произнёс:

– У нас получился замечательный разговор. – И дружелюбно улыбнулся дер Даген Туру. После чего посмотрел на дара Петера и очень-очень тихо, только для его ушей, закончил: – Пришло время извиниться.

– Что? – выдохнул изумлённый Окуричи.

– Кузен, я больше чем уверен, что ты не станешь судить о всей Пелерании по случайному эпизоду, вызванному невольностью в питье прекрасного красного вина, – вошёл в разговор дар Николай Кардон, который до сих пор оставался более чем незаметным.

– Полностью согласен, – поддержал коллегу Шиде.

– Вино действительно оказалось прекрасным... хоть и пьяным.

– Твоей выдержке можно только позавидовать, кузен.

Дер Даген Тур едва заметно кивнул.

Учитывая поведение коллег по нелёгкой профессии абсолютных властителей, которые чётко дали понять, что поддерживают Помпилио, деваться дару Петеру было некуда. Он выдержал короткую паузу, во время которой успокоился настолько, что яркая краснота превратилась в ровный, не особенно заметный оттенок, и с натянутой улыбкой произнёс:

– Я прошу прощения за то, что мои слова могли быть восприняты как оскорбительные. Я ни в коем случае не хотел омрачить твоё пребывание на Пелерании, кузен.

Помпилио кивнул, но промолчал, дав понять, что фраза не закончена. Впрочем, дар Петер знал правила и сразу повернулся к рыжей:

– Адира, мне очень неловко за наш диалог.

– Вы устроили замечательный праздник, мессер, здесь шумно, и я почти ничего не слышала, – лёгким тоном ответила Кира.

– Благодарю.

Окуричи вновь посмотрел на Помпилио.

Они оба посмотрели: и дар Петер, и Кира. А если быть до конца точным, то сейчас на дер Даген Тура смотрели все свидетели инцидента: затаившие дыхание дамы и протрезвевшие мужчины. Все понимали, что Помпилио определяет судьбу не только потерявшего над собой контроль дара, но, возможно, всей планеты: положение позволяло дер Даген Туру как вызвать Окуричи на дуэль, так и устроить на Пелеранию полноценное вторжение – ничего личного, просто напомнить зарвавшимся провинциалам, что старая добрая Линга способна раздавать не только щедрые кредиты, но и полновесные пинки.

Но, к счастью, Помпилио выбрал миролюбивый вариант:

– Полагаю, настало время поднять кубок за настоящее адигенское взаимопонимание, основанное на старых, веками проверенных законах, – провозгласил дер Даген Тур, глядя на Окуричи в упор. – Все мы допускаем ошибки – без них жизнь невозможна. И все мы это знаем.

Петер широко улыбнулся и протянул Помпилио руку. Которую тот крепко пожал.

Инцидент был исчерпан, и застолье вернулось в прежнее, беззаботное русло: гости вели светские разговоры, шутили, смеялись, изо всех сил делали вид, что ничего не произошло, а если что и случилось, то конфликт уж улажен, все довольны, а Кира... Кира чувствовала себя двойственно. С одной стороны, она понимала, что Помпилио повёл себя правильно: затевать серьёзную ссору с дарами Пелерании не имело смысла, это неприятное обстоятельство могло

задержать Экспедицию или поставить крест на участии в ней «Пытливого амуша». С другой... с другой стороны, Кира неожиданно для самой себя ощутила себя настоящей адигеной – гордой, полной достоинства, не столько внешнего, сколько внутреннего, и ей захотелось – на мгновение, не больше, ведь она росла в республиканском мире, – ей захотелось крови обидчика.

Как это принято по старому закону.

Как должно быть.

На мгновение ей стало горько, однако было нечто, благодаря чему рыжей удалось справиться с жаждой крови: она увидела, как вытянулись лица даров во время короткой речи мужа. Двух даров: Петер продолжал улыбаться, а Николай и Александр побледнели. Но тут же взяли себя в руки и повесили на физиономии искусные маски беззаботного веселья. Их эмоцию уловила только рыжая, а заметил это лишь Александр, и чуть позже, минут через тридцать, когда короткая «размолвка» окончательно стёрлась из ощущений, дар Шиде пригласил Киру на танец, и едва слышно прошептал:

– Может показаться, что ваш супруг проявил удивительную выдержку и политическую мудрость. Может показаться, что ваш супруг разменял вашу честь на государственные интересы...

– С чего вы взяли, что мне это интересно? – осведомилась Кира, глядя дару Александру в глаза. И зная, что он не сумеет прочитать в её взгляде ничего лишнего.

– Я видел ваше лицо, – объяснил Шида.

– А я видела ваше – в тот момент, когда Помпилио пожал дару Петеру руку.

– И выражение моего лица должно было подсказать вам, что обижаться на супруга не следует, – мягко ответил дар Александр. – Помпилио обошёлся с Петером очень жестоко.

– Я не понимаю... – Слова и тон, которыми они были произнесены, не оставляли сомнений в том, что месть состоялась, и Кира – на мгновение – почувствовала удовлетворение и поздравила себя с тем, что стала полноценной адигеной. – Как поступил мой супруг?

– Он объяснит.

– Тогда к чему наш разговор?

– К тому, что я, в отличие от Петера, хочу быть другом вашему супругу. И прошу передать ему, что мы с Николаем всё поняли. – Шида выдержал паузу. – Ваш супруг поймёт.

– Что именно?

– То, что я сейчас вам сказал.

Музыка закончилась. Дар Александр отстранился, церемонно поцеловал Кире руку, проводил её к столу и поблагодарил Помпилио за удовольствие танцевать с его очаровательной супругой.

И в этот момент Кира почувствовала себя настоящей простолюдинкой, бесконечно далёкой от интриг, намёков и древних правил, которые адигены впитывали с материнским молоком. Впитывали настолько крепко, что понимали друг друга с полуслова.

///

– Александр сказал именно так? – переспросил Помпилио.

– Слово в слово.

– Спасибо... – Он откинулся на спинку диванчика. – Спасибо...

«Пытливый амуш» пришвартовался недалеко от здания порта, а значит, от города, однако дер Даген Туру и в голову не могло прийти возвращаться на цеппель пешком: им с Кирой подали коляску, которая неспешно двигалась теперь по взлётному полю в сопровождении двух всадников – вооружённых егерей со «Стремительного», присутствие телохранителей было главным условием из тех, на которых настоял дар Антонио.

– Не ожидала, что он так себя поведёт.

– Никто не ожидал, – задумчиво протянул Помпилио. – А значит... значит всё намного хуже, чем кажется.

– Что именно?

– Прости, мне нужно... – дер Даген Тур топнул ногой. – Теодор, карандаш и бумагу!

– Да, мессер. – Сидящий рядом с кучером слуга среагировал с таким спокойствием, словно хозяин ежедневно... ну, или не реже трёх-четырёх раз в неделю просил среди ночи письменные принадлежности. А главное – к полнейшему изумлению Киры – Валентин приказал кучеру остановить коляску и протянул Помпилио искомое. И тут же отвернулся, поскольку не получил разрешения знать написанное.

Кире разрешение не требовалось, и она увидела короткую фразу: «Почему он так себя повёл?», подписанную коротко: «П».

– Гарчестоун!

– Мессер!

Один из всадников оказался рядом, но спешиваться не стал – повинувшись жесту дер Даген Тура, он лишь склонился в седле.

– Передать дару Александру, – распорядился Помпилио, заклеивая подготовленный Валентином конверт. – Дар должен прочесть это сейчас.

– Он прочитает, мессер.

Гарчестоун отдал честь и развернул коня. И можно было не сомневаться в том, что дар Александр Шиде прочитает послание «сейчас», даже если он уже покинул Искеполис.

А после того как коляска вновь пришла в движение, Помпилио прикоснулся к руке жены и негромко сказал:

– Поговорим обо всём позже. И не сегодня.

– Тебе нужно подумать? – поняла рыжая.

– В том числе, – не стал отрицать дер Даген Тур. – Кроме того, сейчас нас ждёт ещё одна встреча, которая вызовет у тебя вопросы.

– Ещё один сюрприз?

– Ты ведь знаешь, я люблю их устраивать.

– Ты в этом деле большой мастер. – Кира выдержала коротенькую паузу, после которой уточнила: – И в этом тоже.

Дер Даген Тур улыбнулся.

– Боюсь даже спрашивать, что ждёт меня завтра.

– Ты чего-то боишься? – притворно удивился Помпилио.

– Опасаюсь.

– Ты?

– Перестань придирается к словам.

– Не давай повода.

Тем временем коляска подъехала к «Амушу», и Кира увидела стоящие у гондолы дрожки. Освещены они были слабо, лишь находящимся шагах в пятнадцати светом дежурного фонаря, но рыжая поняла, что в дрожках сидит закутанная в плащ женщина. Именно женщина.

– У нас будет пассажир?

– Временный офицер, – уточнил дер Даген Тур. – Я нечасто беру на «Амуш» пассажиров.

Судя по всему, подъехала незнакомка недавно: Дорофееву только доложили, и Базза как раз выходил из гондолы. Помпилио сделал капитану знак дожидаться, помог жене сойти с коляски и остановился, ожидая, когда закутанная в плащ женщина покинет дрожки и подойдёт. Из чего Кира и Дорофеев сделали вывод, что незнакомка дер Даген Туру не просто не ровня, но даже не адигена.

И не ошиблись, но увидели совсем не то, что ожидали: когда женщина откинула капюшон, рыжая с трудом сдержала изумлённо восклицание. И понадеялась, что скудное освещение не позволило незнакомке разглядеть то выражение, что на мгновение появилось на её лице.

Выражение, которое часто – очень часто – появляется на лицах людей при встрече со спорки.

С потомками тех, чьих предков искорёжил, но не убил страшный Белый Мор.

Во времена пандемии карантинные отряды далеко не всегда уничтожали заражённых. Случалось, и довольно часто случалось, что им предлагали выбор: смерть от меча или межзвёздное путешествие в один конец. И если несчастные выбирали второй вариант, астрологи наводили Вечную Дыру на подходящую для жизни планету, открывали переход, и толпы заражённых... или тех, кто считался заражённым... или тех, кто бежал от заражённых... отправлялись в новый мир. Им позволяли взять с собой припасы, инструменты, оружие, семена... другими словами всё, что могло пригодиться для создания колонии. Но, кроме припасов, беженцы несли с собой и безжалостную заразу Белого Мора, а потому бо́льшая часть вынужденных переселенцев вымерла вскоре после перехода – их следы находили рейдеры Астрологического флота или новые колонисты, пришедшие на те же планеты в Эту Эпоху. Но некоторым везло: болезнь отступала, и на планете появлялись поселения переживших Мор людей. Выживших, но изменившихся и внешне, и внутренне.

Порченые вызывают отвращение – это общая черта, хотя уродства спорки различаются: у одних отвратительная, покрытая струпьями и язвами кожа; у других слезящиеся глаза, клочья шерсти по всему телу; гипертрофированные черты лиц... Белый Мор наделил своих детей множеством мерзких знаков, но были и те, кого он пощадил. И первые среди них – синеволосые выходцы с планеты Куга, известные тонкой, достойной кисти лучших художников красотой.

Именно ею отличалась стоящая перед Помпилио женщина с синими волосами – тонкой, нежной красотой. На вид не более тридцати лет, но внешность кугианцев обманчива, и женщине могло быть как двадцать, так и пятьдесят. Больше вряд ли, поскольку нечистые редко доживали до полувекового юбилея.

– Меня зовут Аурелия, мессер, – произнесла спорки, глядя дер Даген Туру в глаза. – К вашим услугам.

Помпилио промолчал, глядя на неё в упор. Несколько мгновений женщина крепилась, но затем всё-таки поклонилась. Однако достоинство, с которым она склонила голову, а главное – выдержанная пауза, показали Кире и Дорофееву, что Аурелия – ведьма. Причём не из последних.

Обладательницы сильнейших гипнотических способностей стали главной причиной, по которой люди позволили нечистым войти в своё общество: после того как ведьмы стали заботиться о бортовых астрологах, количество самоубийств среди них уменьшилось наполовину, и Герметикон вздохнул с облегчением.

– Мне не нравится твоё имя, но я потерплю, – произнёс Помпилио. И вновь замолчал, всем своим видом показывая, что разговор не окончен.

– На время нашего путешествия я признаю вашу власть, мессер. – Вторая часть необходимой формулы далась ведьме проще, чем поклон. – И вверяю вам право распоряжаться моей жизнью и моей верностью.

– Не забудь эти слова, ведьма, – тихо, но веско сказал дер Даген Тур. – Они очень важны.

– У меня хорошая память, мессер. – Спорки вскинула голову. – На время нашего путешествия.

– Иногда путешествия длятся дольше запланированного и неожиданно не так, как планировалось.

Несколько мгновений ведьма обдумывала услышанное, после чего вновь склонила голову:

– На время нашего путешествия.

– Очень хорошо, – было видно, что Помпилио действительно доволен. – Каюта приготовлена. Теодор тебя проводит и объяснит, как всё устроено на «Амуше».

– Да, мессер.

Дер Даген Тур повернулся к Дорофееву, однако следующую фразу произнёс лишь после того, как Валентин помог Аурелии подняться в гондолу.

– Её рекомендовали как очень сильную ведьму.

– Мы можем доверять рекомендации? – осторожно поинтересовался Базза.

– В какой части?

– В ведьминской.

– Абсолютно.

– В верности.

– С оговорками.

– Мессера не смущают оговорки?

– Нам нужна ведьма, Базза, – извиняющимся тоном произнёс Помпилио, и Кира с изумлением поняла, что её высокородный муж, «тыкающий» владельцам планет и высшим офицерам всех армий, продолжает старый разговор со своим капитаном: разговор, в котором он потерял надежду убедить Дорофеева и теперь просит не сердиться за то, что настоял на своём. – Мы это обсуждали.

– Да, мессер. – Капитан церемонно склонил голову.

– Она поклялась жизнью.

– Да, мессер.

– Она с нами в одной лодке, Базза, чтобы ни случилось, она сделает всё, чтобы нас спасти.

– Она будет знать всё, что случится на «Амуше», мессер.

– Я это переживу.

– А она?

– Будет зависеть от того, что случится на «Амуше», – жёстко ответил дер Даген Тур. – Возможно, я не захочу, чтобы о случившемся в Туманности Берга знал даже тот, кто рекомендовал мне Аурелию.

– Вы доверяете тому, кто поручился за ведьму, мессер?

– С оговорками.

– Это ваше решение, мессер.

– Да, Базза, это моё решение. – Помпилио повернулся к Кире и рассказал то, о чём рыжая уже догадалась: – Ведьма нужна на случай, если у Галилея возникнут проблемы.

– Он ведь просто потерял память...

– А что случится, когда он вспомнит? – быстро спросил дер Даген Тур. – Когда Галилей вернулся из Туманности в прошлый раз, ему понадобилась помощь лучших психиатров, и я не уверен, что они действительно справились с его проблемами, а не затолкали их внутрь и закрыли крышку. Что будет сейчас – не знаю, но твёрдо убеждён, что не могу позволить себе потерять лучшего астролога Герметикона.

И плевать, что Галилей – сумасшедший даже по меркам астрологов. Плевать, потому что никто, кроме Квадриги, не смог бы просидеть сорок минут в работающем астринге, а потом совершить прыжок... истекая кровью и теряя сознание. Никто не смог бы провести цеппель сквозь Знак Беспечности, внезапно возникший на пути корабля. Не обогнуть – это иногда удавалось, – а именно, провести, словно посмеявшись над одной из самых смертоносных шуток бесконечно неизученного пространства... Пустота любила Галилея, и Помпилио заботился о нём, как мог, свято веря, что астролог способен на всё.

– Что скажешь, Кира?

– Скажу, что мой супруг – самый предусмотрительный человек во всём Герметиконе, – улыбнулась в ответ рыжая. – Когда адмирал узнает о том, что среди офицеров «Амуша» есть ведьма, он будет локти кусать от зависти.

– Пусть обращается – помогу, – рассмеялся дер Даген Тур и вновь перевёл взгляд на капитана.

Дорофеев улыбнулся и чуть склонил голову.

* * *

Лишь однажды в своей недлинной и весьма простой истории Пелерания переживала подобное нашествие – когда на неё прибыла Тринадцатая Астрологическая. И хотя ту несчастливую экспедицию частенько поминали в разговорах, и уж тем более поминали сейчас, в связи с явлением Девятнадцатой, все понимали, что прошлый визит флота забылся и потускнел. И времени прошло много, и Пелерания с тех пор то ли удвоила, то ли утроила население – такое на пограничных планетах случается, – и настоящих старожилов почти не осталось. К тому же Тринадцатая в Искеполисе не задержалась: отметив прибытие, дер Ман-Дабер сразу увёл корабли из сферопорта, а вот Девятнадцатая, да ещё расширенная, задержалась и рисковала стать Главным Событием в нехитрой пелеранской историографии. Заняв посадочное поле и все более-менее подходящие прилегающие площадки, Девятнадцатая, можно сказать, парализовала работу сферопорта, однако местные этому обстоятельству бурно радовались, поскольку богатая Экспедиция изрядно подстегнула шестерёнки приграничной экономики. В первую очередь закупались свежие продукты: консервов и других припасов длительного хранения на бортах было в достатке, а вот зелень, овощи, фрукты, и особенно разнообразное мясо, суперкарго забирали в таких количествах, что окрестности Искеполиса превратились в скотобойню. В такую большую скотобойню, что дер Жи-Ноэль был вынужден создать временную Санитарную комиссию и строго следить за тем, чтобы мясники не устроили какую-нибудь заразу, за что пелеранийские власти выразили адмиралу Астрологического флота искреннюю признательность. Что же касается местных дельцов, то они, не разобравшись, попробовали «решить вопрос» с Комиссией при помощи универсальной взятки и были изрядно удивлены молниеносным приговором к публичной порке и ещё более молниеносным исполнением приговора, о котором даже не были поставлены в известность власти сферопорта. Потом сообразили, что в сочетании «Астрологический флот» второе слово к первому не для красоты привинчено, что речь идёт об армейской структуре, а значит, Искеполис в настоящее время находится под военно-научным протекторатом и ссориться с дер Жи-Ноэлем не станут даже дары. А следовательно, требования вооружённых патрулей обязательны к исполнению.

Как только местные это усвоили, жизнь вернулась в нормальное русло. Ну... насколько данное русло можно назвать нормальным.

– Может, выберете говядину? – елеиным голосом осведомился продавец, с восторгом глядя на Бабарского, который уже набрал целую подводу продуктов и не собирался останавливаться. Продавец же мысленно подсчитывал прибыль, пока не зная, что торговаться с ИХ – то ещё удовольствие.

– Говядину я уже взял.

– Но не у меня.

– Но уже взял.

– У меня лучшая говядина на всей Пелерании.

– Отстань! – Бабарский прикинул уже закупленное и понял, что пора переходить к выбору экзотики, то есть местной живности, поскольку Помпилио не отказывал себе в удовольствии оценить новое.

– Мне нужен окорок туплуса. Ходят слухи, что он восхитителен.

- Если запекать на углях, – подтвердил продавец. – С нашими травами.
- Где взять травы?
- С удовольствием подарю набор трав столь чудесному покупателю.
- Очень хорошо... – Бабарский огляделся. – Кстати, со мной, кажется, был астролог?
- Вон тот? – продавец ткнул пальцем в застывшего шагах в двадцати Галилея, который, если судить по вялым жестам, вёл серьёзный диалог.

Навес был самым обыкновенным для наспех выстроенного рынка: четыре столба и приколоченный к ним полосатый тент. Улыбчивый продавец тоже не казался подозрительным: заурядный пограничный дилер в потёртых цепарских штанах с накладными карманами и выгоревшей на солнце рубашке, расстёгнутой по случаю жары почти до пупа. Дилер сидел на складном стуле, положив ноги на пустой патронный ящик, и с любопытством рассматривал прохожих. Но нельзя сказать, что он стремился хоть как-то привлечь к себе внимание, скорее наоборот: разглядывал с любопытством, дружелюбно улыбаясь, не делая ни малейшей попытки предложить товар. Галилея дилер «срисовал» заранее, но виду не подал, дождался, когда астролог зайдёт под навес, помолчал и осведомился:

- Что угодно доброму синьору?
- А по мне не видно?

В некоторых случаях дилеры терялись, однако улыбчивый оказался калачом тёртым и вместо ответа продолжил улыбаться, всем своим видом показывая, что арендовал навес в центре рынка просто так – спрятаться от солнца.

- Что у тебя есть?
- Всё, что угодно.
- Вот уж не думал, что где-то в Лингийском союзе дурь станут продавать у всех на виду.
- Мы в Лингийском союзе, добрый синьор, но время сейчас горячее, в порту полным-полно астрологов, которые ищут разное, и власти закрывают глаза на то, что мы облегчаем им поиск. Вы ведь астролог?

- Астролог.
- Стандартный набор: вихель, сэнская щепоть, ухская пыль...
- Не интересуется, – отрезал Квадрига и пояснил: – У меня запас.
- Не сомневаюсь.
- Мы идём в Туманность, так что добра у меня с собой в изрядном количестве.
- Хочется чего-то необычного?
- На этой планете делают что-нибудь интересное?
- И сколько вы готовы заплатить?
- Стандартной таксы не существует?
- Мы в пограничном мире, добрый синьор, тут ещё долго не будет стандартной таксы.
- Сколько?
- Цехин за унцию.

Сказать, что это была запредельно высокая цена – значит промолчать. Ни один наркотик не стоил таких денег.

- Сколько доз?
- Пятьдесят.
- О чём идёт речь?

– Поверьте, добрый синьор: мы говорим о будущем хите Герметикона. Мы называем его «пелерицин» – в честь Пелерании. Мы только освоили производство, но скоро распространим его по всему Герметикону.

– Если вас не повесят.

– Если не повесят, – хладнокровно повторил дилер.

– Я так и не услышал, о чём идёт речь.

– На этой планете довольно богатый животный мир, добрый синьор, и среди них есть одна зверушка, названия которой я вам не скажу, вытяжка из желез которой оказывает весьма интересный эффект. По одной капле в каждый глаз – и через пару минут человек оказывается в сердце Пустоты и гадает о будущем чёрных дыр на внутренностях жертвенных кроликов.

– Почему именно кроликов?

– Они самые шустрые.

– Вижу, ты романтик.

– Умею описать товар так, чтобы клиенты не пожалели полновесный цехин.

– А остальные цены?

– Привычные... но с поправкой на то, что мы в пограничном мире.

– Хорошо.

– Хорошо?

– Да.

– Вы заплатите мне целый цехин? – изумился дилер.

– У меня он есть.

– Вы действительно ценитель, добрый синьор, и вы не пожалеете.

– Я знаю...

– Что ты знаешь?

Галилей вздрогнул, обернулся и недоумённо уставился на Бабарского.

– Это уже слишком. Я понимаю, что ты – дипломированный астролог, а значит, можешь вести себя как вздумается, но стоять десять минут посреди рынка и вести разговор с невидимым собеседником – это уж слишком. – ИХ шмыгнул носом. – Что ты принял, что тебя так вставило?

– Вставило? – Квадрига огляделся и похолодел: навеса не было. Как и дилера на складном стуле. Как и патронного ящика. Ничего не было: он действительно стоял посреди рынка, и его все обходили: цепари, военные, продавцы, грузчики... Если кто и был недоволен этим обстоятельством, то никак того не выказывал: астролог есть астролог, у них бывает.

– Что ты принял?

– Лучше тебе не знать, – грубовато ответил Галилей, засовывая руки в карманы штанов. И вздрогнул.

– Да что случилось? Что у тебя с рожей?

– Всё в порядке. – Побледневший астролог закусил губу. – Я...

– Тебе плохо, что ли? – ИХ поднял левую бровь.

– Да, плохо, – Галилей искренне обрадовался подсказке. – Я хочу вернуться на «Амуш».

– Ну, хочешь – возвращайся... – Бабарский кашлянул. – Хорошо тебе: можешь улечься в кровать и оставить эту ужасно аллергенную планету в прошлом... Отправить с тобой кого-нибудь?

– Я не маленький.

– Как скажешь.

И лишь оказавшись в своей каюте, астролог рискнул достать из кармана то, что нащупал при Бабарском: тщательно запечатанный пузырёк с жидкостью густо-зелёного цвета, полновесный цехин, которым собирался расплатиться за неизведанный наркотик, и клочок бумаги с нацарапанными словами:

«Не возвращайся!»

– Даю слово: мы вернёмся с победой, – твёрдо произнёс адмирал дер Жи-Ноэль, медленно обводя взглядом старших офицеров Экспедиции. – Да, будет трудно. Да, придётся рискнуть, но я абсолютно уверен в успехе.

И твёрдый голос адмирала не позволял усомниться в его словах: дер Жи-Ноэль верил. А поскольку непоколебимая уверенность руководителя есть половина результата, на лицах некоторых офицеров появились улыбки – короткие, спокойные улыбки довольных происходящим людей.

Командующий собрал совещание в самом большом трактире Искеполиса, поскольку по традиции оно должно было перейти в «походное застолье» – последний перед долгой дорогой ужин, который давал для подчинённых глава Экспедиции. Дальше начиналась тяжёлая, на несколько недель, а то и месяцев, работа, во время которой не будет места светским мероприятиям. «Походное застолье» всегда получалось шумным и весёлым и будет таким сегодня, однако сейчас шло совещание и потому собравшиеся предельно внимательны и сосредоточены, на столах разложены документы и астрологические атласы, а официанты и повара дожидались своего часа во флигеле – адмирал назвал совещание секретным, и вооружённые цепари полностью заблокировали помещение.

– Итак, начну с того, что вы знаете: мы идём по следам Тринадцатой Астрологической экспедиции, а значит, на нас лежит огромная ответственность. Мы должны добиться успеха, синьоры, потому что если у нас не получится, Астрологический флот закроет Туманность Берга для активных исследований, и один Хеш знает, когда откроет снова. Если вообще откроет. – Дер Жи-Ноэль выдержал короткую паузу. – А я считаю, и я... и я, если угодно, чувствую, что Туманность не даётся просто так. В Туманности скрыта тайна, причём не только тайна наших братьев из Тринадцатой Астрологической, а нечто более важное. Что именно? Не знаю, но собираюсь узнать. И вы мне в этом поможете.

Отвечать не требовалось, поскольку адмирал не ждал подтверждений от тех, кто уже добрался до Пелерании: если у офицеров или нижних чинов были сомнения в том, стоит ли идти по следам несчастливой Тринадцатой, они высказали их раньше и воспользовались правом добровольного отказа. На совещание собрались только те, кто твёрдо решил рискнуть.

– А теперь переходим к основной части совещания. – На этих словах офицеры подобрались и принялись внимательно рассматривать увеличенную карту звёздного неба, которую развернул на стене адъютант дер Жи-Ноэля.

– До недавнего времени считалось, что в Туманность Берга входят десять планет. Эти данные были получены во время самого первого, состоявшегося почти двадцать лет назад изучения звёздного неба и составления Астрологического атласа Пелерании. Туманность была признана условно недостижимой. К счастью... – Адмирал помолчал. – К счастью для целей Флота и к несчастью для Тринадцатой экспедиции, Туманность была признана именно условно недостижимой, что и помогло командору дер Ман-Даберу уговорить руководство заняться её исследованием. Из стенограмм заседаний следует, что дер Ман-Дабер отыскал ошибку, допущенную астрологами при первом описании звёздного неба Пелерании. Представленные им доказательства убедили руководство Флота, однако теперь я знаю, что дело не только в погрешности измерения. Пять месяцев я находился на Пелерании, проводя работы на научном судне – мои изыскания великодушно оплатило Лингийское Астрологическое общество, – а занимался я уточнением Астрологического атласа и поиском устойчивой точки перехода в Туманность. Мы работали очень внимательно, однако изначально наши усилия не приносили результата: старые расчёты полностью подтверждались. Тем не менее мы не сдавались, действовали в строгом соответствии с планом исследований и той информацией, которая содержалась в записях

Флота, и в конце концов удача нам улыбнулась. Мы нашли устойчивую дорогу в Туманность Берга.

Офицеры затаили дыхание. В буквальном смысле слова не дышали всё то время, которое понадобилось адъютанту дер Жи-Ноэля, чтобы раскрыть вторую карту.

– Дело в том, что, вопреки общеизвестной информации, в Туманность входит не десять планет, как считали составители старого Атласа, а одиннадцать. Одиннадцатая планета расположена на допустимом для межзвёздного перехода расстоянии, и я уверен, что командор дер Ман-Дабер прыгнул именно на неё.

Несколько мгновений в зале стояла тишина, а затем посыпались вопросы:

- Вы уверены, что расстояние позволяет?
- Вполне.
- Как получилось, что астрологи её пропустили?
- Почему планеты не оказались в Атласе?
- Вы уверены в её существовании?
- Она не может быть аномалией Пустоты?
- Или Знаком?

Адмирал поднял руку, призывая офицеров к тишине, однако говорить ничего не стал – просто дождался, когда изумление оставит подчинённых, и продолжил:

– Вопрос поставлен правильно: рядом с Туманностью действительно существует некая аномалия, сути которой мы пока не понимаем. И она действительно препятствует наблюдению одиннадцатой планеты, которую я предварительно назвал Даберой. – Пауза. – В честь командора дер Ман-Дабера.

- Хороший выбор, – подал голос Помпилио.
- Благодарю, командор.
- Вы уверены, что на Даберу можно прыгнуть?
- Уверен, что вы не откажетесь, командор.
- Не откажусь, адмирал, – кивнул дер Даген Тур. – И уже предвкушаю.

– Я тоже. – Дер Жи-Ноэль обвёл взглядом остальных офицеров: – Я уверен, что на Даберу можно прыгать. И прыгну первым. Это будет не «слепой» прыжок, но и не простой. В конце совещания к нам присоединятся астрологи, и мы подробно проговорим параметры предстоящего перехода. Единственно возможного перехода в Туманность Берга.

– Пойдём без разведки? – поинтересовался дер Шу, капитан импакто «Стремительный».

– Руководство Флота считает риск оправданным. Удалённое изучение Даберы показало наличие пригодной для дыхания атмосферы, а значит, согласно правилам Астрологических экспедиций, командующий имеет право прыгать без проведения предварительной разведки. – Дер Жи-Ноэль помолчал. – И я воспользуюсь этим правом. Как все вы знаете, я никогда не провожу предварительную разведку новых планет – не вижу необходимости. Я твёрдо убеждён в нашей подготовке и знаю, что Экспедиция с честью выйдет из любых испытаний, которые ждут нас на Дабере. Я не буду тратить время на разведку, точнее... я не собираюсь отправлять кого-то вперёд и неизвестно сколько ждать результатов разведки.

Учитывая, что остатки рейдера «Пронырливый» – корабля, на котором нашли Галилея, – вышли из Пустоты на другом конце Бисера, в словах командующего имелся смысл.

- Тем не менее идти без разведки – большой риск.
- Мы всегда рискуем, капитан дер Шу. Каждый прыжок таит в себе опасность.
- Да, но давайте не забывать о Тринадцатой экспедиции, – поддержал лингийца капитан

Шилов с грузовика «092».

- Мы не знаем, что с ней случилось, – напомнил капитан Алецкий.
- Именно поэтому я и предлагаю задуматься о проведении разведки.
- И будем ждать возвращения разведчиков?

– В этом смысл.

– Смысл в том, чтобы добраться до Туманности.

– И вернуться.

Дер Жи-Ноэль видел, что осторожная позиция некоторых офицеров находит понимание и их сомнения начинают передаваться тем, кто был готов рискнуть, и бросил в бой последний козырь.

– Я знаю Устав Астрологического флота и действую в строгом соответствии с его положениями. Если совет капитанов решит, что риск неоправдан, я отзываю своё предложение и соглашусь на проведение разведки. Но в этом случае в разведку отправлюсь я.

– Вы – в разведку? – изумился капитан Пруст. – Невозможно!

– А вот это моё решение вы оспорить не сможете, поскольку Устав не определяет, кто имеет, а кто не имеет права быть разведчиком.

Помпилио едва заметно коснулся локтя Дорофеева, и понятливый Базза поднял руку:

– С вашего позволения, адмирал: если примете такое решение – прошу ввести в состав разведывательной эскадры исследовательский рейдер «Пытливый амуш». Уверен, мы вам пригодимся.

– Вы тоже готовы прыгать? – поднял брови дер Жи-Ноэль. И смотрел он при этом не на Помпилио, а на Дорофеева.

– Так точно, – спокойно подтвердил Базза. – При всём уважении к высказанным здесь мнениям мы присоединились к Девятнадцатой экспедиции не для того, чтобы сидеть на Пелерании. Мы идём в Туманность. И я повторяю своё прошение, адмирал.

– Благодарю вас, капитан Дорофеев. Если совет капитанов выскажется за проведение разведки, ваше прошение будет удовлетворено.

Базза коротко кивнул. Помпилио едва заметно улыбнулся, почувствовав, что настроение офицеров стало меняться в обратную сторону. Дело в том, что и дер Шу, и Шилов были лингвистами, они могли выражать собственное мнение ровно до тех пор, пока не прозвучал голос Помпилио, после этого их сомнения рассеялись, как по волшебству.

Но нужен был последний штрих, и адмирал дер Жи-Ноэль мастерски нанёс его на картину:

– Мы не просто цепари, мы – Астрологический флот. Мы исследуем планеты в интересах всего человечества, мы всегда идём первыми, а значит, всегда рискуем. Мы должны учитывать это обстоятельство и не можем позволить себе избегать риска, потому что в этом случае перестанем быть Астрологическим флотом. Я не знаю, что случилось с Тринадцатой, но провёл множество совещаний с лучшими астрологами Герметикона. Многие из них побывали здесь и своими глазами наблюдали за Даберой. Их вердикт единодушен: прыгать можно. И я верю, что переход Тринадцатой экспедиции был удачным. Что бы с ней ни случилось – это случилось позже. И мы должны подойти к этому «позже» во всеоружии. То есть всеми нашими вымпелами. – Пауза. – Если совет капитанов не хочет рисковать – я отправлюсь первым, потому что не хочу, чтобы вместо меня рисковал кто-то другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.